Михаил Коссой

ПРИНЦЕССА ВЫХОДИТ В СВЕТ

ХРОНИКИ ЭВЫ ЛИНЫ МАУНТЕНАР ДЕКРОЙ

Михаил Коссой

Принцесса выходит в свет

«Издательские решения»

Коссой М.

Принцесса выходит в свет / М. Коссой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4498-7438-2

Продолжение книги «Принцесса идет искать». Принцесса мечтает быть милой, как начищенная монетка, радостной, как летнее купание, и желанной, как свежевыпеченная булочка. Счастью мешают ум, чувство юмора и энергичность, похожая на неуемность. Что же! Для того чтобы жить в согласии с миром и собой, очевидно, нужно приспособить к себе мир. Так же значительно проще! Принцесса путешествует, веселится, сражается и размышляет в шести стремительных приключениях, объединенных одной войной.

ISBN 978-5-4498-7438-2

© Коссой М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие придворного хрониста 6
Пролог. Нос и пояс 7
Часть первая. 14
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Принцесса выходит в свет
Хроники Эвы Лины Маунтенар Декрой

Михаил Коссой

© Михаил Коссой, 2020

ISBN 978-5-4498-7438-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие придворного хрониста

Хроники – повествование, последовательно рассказывающее о произошедших событиях. Хроники принцессы Эвы Лины Маунтенар Декрой – в хронологическом порядке представляют приключения, размышления и поступки Ее Высочества такими, какими они были на самом деле.

Не стоит ожидать от этой книги изящного построения и общей законченности художественных романов, которые большей частью являются плодом писательской выдумки.

Составитель этих страниц проделал огромную работу, чтобы не допустить на них и толики собственного вымысла. Если уж Ее Высочество бежали направо, то это так и описано, а не заменено на «ходила налево» в угоду красоте изложения.

Все рассказанное было узнано непосредственно от самой принцессы во время долгих бесед у камина зимними вечерами. В некоторых фрагментах неоценимой оказалась помощь ее друзей и подданных, а также тех врагов, которые уцелели ко времени сбора материала.

И, конечно же, столь правдивое и детальное повествование не могло быть создано без помощи внутреннего голоса леди Маунтенар. Он охотно включился в работу и поведал о множестве тонкостей и нюансов, которые не были озвучены другими опрошенными, в основном по причинам их необычайной скромности.

Общение с леди Маунтенар оказалось для составителя хроник столь познавательным, поучительным и вдохновляющим, что вопреки нормам грамматики он позволил себе всегда употреблять обращение «Ее Высочество» с большой буквы.

Пусть рассказы о ее жизни станут такими и для читателя. Если нет – остается надеяться, что они хотя бы развлекут его, хотя смеяться над особами королевской крови и не рекомендуется.

Искренне Ваш
(в свободное от службы короне время)
придворный хронист Арранты

Пролог. Нос и пояс

– Что случилось? – спросила наследная принцесса королевства Арранта, леди Эва Лина Маунтенар Декрой, когда шагавший рядом с ее лошадью стражник по имени Гонза в шестой раз вздохнул так тяжело, что ей пришлось ловить взлетающие юбки.

– Простите, Ваше Высочество. Это я просто…

– А! Ну тогда ладно! – подчеркнуто беззаботно сказала принцесса.

Она категорически не любила совать нос в чужие дела. Это входило в тройку главных правил еще ненаписанного кодекса принцессы. Или в пятерку. Уж в десятку-то точно. Руководствуясь этим правилом, принцесса не любила допытываться у людей об их делах, полагая, что если кому-то нужно выговориться, то он и сам…

– Не то чтобы совсем ничего… – пробубнил Гонза. – Так. Неурядица. Простите.

Он снова вздохнул.

– Можешь поделиться, – разрешила принцесса, возвращая сдутую с пути лошадь обратно на курс. – До замка как раз осталось еще два поворота.

– У меня того… – собрался с духом Гонза. – Есть девушка. Хорошая! А хозяйка дома, в котором она живет, меня не впускает…

Принцесса слегка приподняла брови.

– Может, вам встречаться в другом месте?

– Так она и не выпускает.

– С какой стати? – озадачилась принцесса такими зверствами домовладелицы.

– Да я… Она… Мы того… Задолжали немного.

– Хммм. Надо попросить подождать, объяснить ситуацию…

– Просил я! – Гонза потянул в себя воздух для вздоха, и принцесса покрепче уцепилась за луку седла, чтобы ее не втянуло заодно. – А она лютует!

Принцесса внезапно вспомнила, что по возвращении в замок ей предстоит заканчивать левый верхний лепесток лилии на полотенце, на котором она обучалась вышивке. Лепесток попался упрямый и не хотел заканчиваться уже месяца четыре. На другой же чаше был здоровяк Гонза, солдат, который несколько раз выручал ее в затруднительных ситуациях, был добр, исполнителен, неболтлив, а главное, никогда не задавал дурацких вопросов вроде: «Зачем?» и «Почему?» – скорее всего, просто потому что не мог их выдумать, хотя это было и неважно.

По всему выходило, что лепестку придется подождать.

– Давай я с ней поговорю, – предложила принцесса.

– Не стоит, Ваше Высочество! Правда! – забеспокоился Гонза.

– Мы приедем в замок. Я пойду прогуляться в королевский сад, и там, у дальней калитки, встретимся, чтобы не тащить за собой всю стражу! – в своих лучших побуждениях принцесса бывала неудержима, и, возможно, не только вышивка была тому причиной.

От дальней калитки сада Гонза повел принцессу не на юг, к центру города, а на восток. Она сначала удивилась, а потом сообразила, что, разумеется, девушка рядового солдата, скорее всего, живет там, где подешевле. Однако они миновали район подешевле не останавливаясь, прошли через ворота в городской стене и углубились в предместье, известное под названием «Кривая кишка». Принцесса нахмурилась. Домишки вокруг становились все более обшарпанными, по улочкам тут и там бродили ободранные собаки, а жители, казалось, не умывались уже в третьем поколении.

Принцесса пожалела, что не взяла с собой плащ: даже в своем повседневном простеньком платье она выглядела здесь, как породистая лошадь среди отары овец. Она совершенно не боялась, поскольку рядом был Гонза – выше ее на полторы головы и раз в восемь шире в обхвате – но чувствовала себя неуютно.

– Вот, – сказал Гонза, останавливаясь перед двухэтажным домиком в три окна, который слегка наклонился вперед, словно раздумывая, не выйти ли ему из ряда своих собратьев на небольшую прогулку.

К низкой двери нужно было еще спуститься на пару ступенек. К верхнему косяку была прибита потемневшая доска с давно вырезанной надписью. Принцесса пригляделась: «Дом удовольствий г-жи Дук».

Внезапно принцесса четко осознала, что вышивание гладью – это одно из важнейших в жизни любой принцессы занятий, способствующее развитию не только мелкой моторики, но и личности в целом. Во всяком случае, оно значительно более подобало юной благородной даме, чем посещение домов удовольствия в «Кривой кишке». С какой радостью и тщанием она сейчас дошивала бы упрямый лепесток!

Принцесса посмотрела на Гонзу, который, в свою очередь, смотрел на нее – извиняясь, растерянно, настороженно и выжидающе. Вся его круглая бесхитростная физиономия была насквозь пропитана отчаянной надеждой. Наступила очередь принцессы тяжело вздыхать. Сдуть Гонзу она, конечно, не могла, но кольчуга на нем весело зазвенела.

– Твоя девушка работает в доме удовольствий? – спросила принцесса, пытаясь сообразить, с какого края начинать вляпываться в неприятности, так чтобы не сразу плашмя, как это регулярно с ней случалось.

– Ну да… – Гонза почесал в затылке. – Я с ней тут и того… Познакомился. Она хорошая! Мы, может, и поженимся как-нибудь…

– Ясно, – принцесса чуть было не почесала в затылке у себя. – И чего мы хотим?

– Чтобы ее хозяйка не выселяла. Куда же деваться тогда? Она из деревни перебралась…

Это показалось принцессе немного странным. Спасти невесту и вытащить ее, прямо скажем, с городского дна – это понятное дело. Сейчас же предлагалось приложить усилия, чтобы ее на этом дне устроить поудобнее!

Впрочем, в свои неполные восемнадцать принцесса уже хорошо знала, что реальность бывает весьма запутаннее и неоднозначнее, чем девичьи представления о прекрасном. В конце концов, Гонза попросил ее помочь урезонить хозяйку дома, а не научить его жить. Этим и надо заняться.

– Как зовут твою девушку? – спросила принцесса.

– Ольма! – нежно полувыдохнул Гонза.

– Ладно, – принцесса внутренне собралась. – Веди меня!

Гонза потянул на себя дверь и, низко склонив голову, протиснулся в проем. Принцесса шла следом. Их встретила небольшая комната с парой лавок и лестницей на второй этаж, уходившей в потолочный люк. Под потолком висела масляная лампа, да тускло пробивался дневной свет через забранное решеткой окошко. Внутренняя дверь в глубине комнаты открылась, и вышла тощая пожилая женщина с длинными заплетенными в две неряшливые косы седоватыми волосами.

– Неужели денег принес? – спросила она Гонзу вместо приветствия, очевидно, это и была госпожа Дук.

Гонза переступил на месте, отчего пол под принцессой ощутимо прогнулся. Она обошла солдата по кругу, как стог сена, и поздоровалась, приподняв подбородок:

– Добрый день. Госпожа Дук, полагаю? Этот солдат сопровождает меня. Я из королевской комиссии по вопросам гигиены, инспектируем заведения.

Хозяйка повернула к принцессе сухое морщинистое лицо и несколько раз моргнула.

– Как? – переспросила она. – У нас вроде и вопросов-то таких нет!

– Королевская проверка чистоты и порядка! – разъяснила принцесса, стараясь употреблять только общеизвестные слова.

– Это с каких таких пор? – удивилась госпожа.

– Новый указ вышел, – по-хозяйски оглядываясь по углам, сказала принцесса. – Вы глашатая на площади не слушаете, что ли? Повышаем уровень жизни в столице.

На лестнице показались чьи-то босые ноги, выглянуло из-под потолка любопытное лицо.

– Тараканы, клопы, крысы – имеются?

– Нет, – соврала госпожа Дук. – Зачем это они нам?

– А это кто? – спросила принцесса, показывая на лестницу, где ног и лиц стало больше.

Несколько полуодетых дам разного возраста напирали друг на друга сверху, из-за чего нижним приходилось то и дело спускаться на две-три ступеньки.

– Девки мои. То есть эти… Работницы!

Работницы хихикнули.

– Говорят, среди них есть девушка по имени Ольма. Она здесь?

При звуке этого имени Гонза снова переступил, пол снова покачнулся и скрипнул.

– А где же? – хмыкнула госпожа Дук и крикнула: – Ольма!

– Это я… – прогудело со второго этажа, на лестнице произошло стиснутое передвижение, и выплыла Ольма.

Стало ясно, почему Гонза так мечтательно вздыхал: Ольма была большая, белокожая, с длинными светлыми волосами, перекинутыми через одно плечо, и сонными глазами. На ней была белая рубаха до пят с вышивкой на груди и плечах. Фигурой же она была точь-в-точь похожа на Гонзу, который сам был похож на гигантский мешок с крупной брюквой. Ольма замерла на нижней ступеньке, и это было очень разумно, потому что начни они перетаптываться с Гонзой вдвоем, пол, кажется, мог бы и провалиться.

– Я слышала, вы не пускаете к Ольме этого доброго солдата, это так? – спросила принцесса.

– А это какое отношение к чистоте имеет? – подозрительно спросила хозяйка.

– Это имеет отношение к порядку, – принцесса приподняла бровь.

– Он платить должен за посещения! Тогда и порядок будет!

– Я и платил! – загудел сверху Гонза.

– Три месяца назад! – повысила голос госпожа Дук. – А с тех пор ни монеты!

– Я сказал же – отдам!

– И сколько он вам должен? – спросила принцесса.

– А это у меня записано все! – подбоченилась хозяйка. – Тридцать восемь монет!

Принцесса, по понятным причинам, была не в курсе текущих цен на услуги в «Кривой кишке», но даже из соображений общего порядка следовало, что любовь Гонзы была настоящей, сильной и большой!

– Вот принесешь деньги и выметайтесь отсюда оба! А до той поры я в своем праве, хочу пускаю, хочу нет! – пыхтела госпожа Дук.

Вернуть долг, действительно, было самым простым способом решить проблему. Но где взять деньги? Принцесса представила, как она пишет ходатайство на имя первого министра короля графа ар Меамольда: «Прошу выдать денежное воспомоществование рядовому королевской гвардии Гонзе для выкупа невесты из дома удовольствий госпожи Дук». Принцесса подвигала кончиком носа. Гоготать будет весь замок.

Приоткрылась входная дверь, и в помещение проскользнул невысокий лысый мужичок, по виду какой-то мастеровой.

– Опаньки! – сказал он, оглядев собрание. – Народу-то! Привет, мамаша! Никак пополнение принимаешь! Красота-то какая!

С этими словами мужичок вдруг игриво хлопнул принцессу сзади пониже спины. Принцесса, впервые удостоенная такой формы обращения, оказалась занята поимкой вылетающих от удивления глаз, и отреагировать вовремя не смогла. Зато с необыкновенной для своей комплекции прытью отреагировал Гонза. Он схватил мастерового одной рукой за шиворот, дру-

гой за пояс, рванул на себя, оторвав от пола, а обратным махом швырнул его в дверь. Мужик вылетел на улицу, дверь обо что-то ударилась, отскочила и захлопнулась.

– Это мой клиент был! – закричала госпожа Дук.

– Да, но я не ваша работница! – рявкнула принцесса, надеясь, что в полумраке не видно, как она порозовела.

– А тут других-то дам и не бывает! – настаивала хозяйка. – Откуда ему знать было? А нынче время не такое, чтобы клиентами разбрасываться! Я это тоже вашему солдату в счет добавлю!

– Кровопийца! – вдруг загудел Гонза сверху.

– А я в своем праве! – огрызалась госпожа Дук.

– А цену вдвое подымать, тоже в праве? – прогрохотал Гонза

– А кто б не поднял, когда ты чуть не каждый день повадился ходить!

– Я от любви! – возопил Гонза и топнул ногой.

Пол явственно хрустнул. Принцесса ухватилась за перила лестницы. Женщины ахнули. Ольма в порыве сопереживания подалась бюстом вперед так, что вышивка на ее рубахе оказалась у самого носа принцессы.

– Ты на меня не топай! – пыхтела госпожа Дук. – У себя в казарме топай!

– Кровопийца! – пошел Гонза по второму кругу.

– Платье-то какое на ей! – шептались на лестнице.

Принцесса пыталась придумать следующий ход, невольно разглядывая расшитую листьями и ягодами грудь Ольмы. Вышивка, глазом мастера определила принцесса, была отличная: плотная, гладкая, стежки аккуратные, параллельные. У принцессы в лилии тоже были параллельные стежки, аж пять штук, но, к сожалению, не рядом, а в разных местах полотенца, поэтому их трудно было найти.

– Я сейчас квартального вызову! – крикнула госпожа Дук.

– А вот это отличная мысль! – сказала принцесса, отцепляясь от перил лестницы и стараясь не топать по прогибающимся доскам.

– Чегой-то? – насторожилась хозяйка.

– Вы цену за визит Гонзе поднимали? – спросила принцесса.

– А может, и поднимала! Это я в своем праве! Мое заведение!

– А налоги с двойной цены уплачивали? – принцесса выдвинула подбородок и взметнула брови.

Госпожа Дук замялась.

– Вот это мы у квартального и выясним! – принцесса не сильно разбиралась в налогах, но знала, что с ними никогда ни у кого не бывает полного порядка.

– Вы же по другому вопросу, – вдруг проницательно заговорила хозяйка. – Вы же по этой, по хихи-как-там?!

– По вопросам чистоты и налогам, – расширила свои полномочия принцесса и напомнила для весомости: – Королевская комиссия!

Госпожа Дук поджала губы и прищурилась.

– Вот что мы сделаем, – объявила принцесса сухим канцелярским голосом графа ар Меамольда. – Вы оставляете Ольму у себя и позволяете Гонзе навещать ее по обычной цене. А нашей комиссии найдется чем заняться и в других районах. И не надо тревожить квартального.

– А должок его? – кивнула хозяйка на Гонзу.

– Мы проведем для него занятия по бюджету. Он будет навещать вас размеренно, постепенно выплачивая долг.

– Ужимают честного человека, – проскрежетала хозяйка, но было понятно, что она согласна. – Но после этого пусть она от меня выметается! От нее клиенты недовольные уходят!

– Боюсь, вы должны будете ее оставить! – возразила принцесса. – Девушке некуда податься.

– А это уже не мои проблемы!

– Нет, – признала принцесса. – Однако станут вашими, если наша комиссия будет проверять вашу улицу еженедельно!

Госпожа Дук осмыслила перспективы, и они ей не понравились.

– Вот, кажется, все и утряслось. Немного понимания с обеих сторон и всегда можно найти решение. Благодарю всех! Гонза!

Гонза, пошатнув весь дом удовольствий, развернулся, подошел к двери и толкнул ее плечом. Дверь распахнулась и давешний мастеровой отлетел от нее кубарем, запнувшись о ступеньки.

– Опёнки да пеньки! – прокряхтел он, поднимаясь из уличной пыли и ковыляя в сторону. – Не дадут время нормально провести! Неделю ж копил!..

– Уходим уже! – сказал ему в спину Гонза, подавая принцессе руку, чтобы помочь подняться по входным ступенькам.

Принцесса была рада выбраться. Она оправила на себе платье и в сопровождении Гонзы двинулась в обратный путь.

– Спасибо вам, Ваше Высочество! – полупрошептал Гонза признательно.

Принцесса качнула ладонью, оставляя произошедшее в прошлом. Однако оно там не осталось, а волочилось за принцессой, словно шлейф, который не поддерживают служанки.

Что-то было не так. Обычно, когда принцессе удавалось разрешить затруднительную ситуацию, в груди что-то щелкало, появлялось чувство облегчения и всю ее изнутри озаряло добрым светом. Иногда даже и снаружи тоже. Ничего подобного сейчас не наблюдалось.

Принцесса оглядела себя мысленным взором и обнаружила, что правая щека поднялась, зажмурив глаз, левая бровь нахмурилась, губы сжались в колечко и подперли сморщенный нос снизу. Такое бывало, если хлебнуть случайно кислого вина. Принцесса остановилась.

Вообще-то, госпожа Дук была права. Она честный человек. Она предоставляет известные услуги по известной цене, а то, что Гонза расчувствовался не по жалованию, так это не ее проблемы. И тут явилась принцесса, изобразила из себя невесть что и буквально выдавила из хозяйки какие-то уступки. Это было не очень справедливо.

Так принцесса поступать не любила, потому что в боках появлялось напряжение, ее начинало искривлять и скручивать спиралью, было неудобно ни стоять, ни сидеть, ни лежать. А кроме того, хорошо было брякнуть про постепенную выплату долга, но Гонза будет этим заниматься еще года два.

Значит, надо сделать справедливо. Не смея беспокоить задумавшееся Высочество, рядом переминался с ноги на ногу Гонза. И как это сделать? Выкупить Ольму на свои сбережения? С какой стати? А главное, куда ее потом девать? Утрамбованная ногами уличная земля спокойно выносила перетаптывания Гонзы, не скрипела и не проминалась.

– Ну-ка, подпрыгни. – попросила принцесса.

Гонза немедленно, не переспрашивая, оттолкнулся обеими ногами и с железным грохотом бухнулся обратно.

– Давай вернемся, пожалуйста, – сказала принцесса и направилась по улице обратно.

У самого дома удовольствий Гонза с трудом обогнал принцессу, рванул дверь на себя и выдернул вместе с ней вцепившегося в ручку с той стороны несчастного мастерового.

– Заклепать меня наглухо! – сказал мастеровой, стоя на четвереньках. – Что ж за день такой неудачный!

– Извините, – сказала принцесса. – У нас одно срочное дело.

– Что еще? – не очень приветливо свела брови госпожа Дук, когда они зашли внутрь.

– Мне кажется, – рассудительно произнесла принцесса, – что мы поступили с вами не очень честно. Вернулись, чтобы исправить положение.

Госпожа Дук немного повернула голову и посмотрела на принцессу искоса, небеспричинно подозревая подвох.

– Гонза, – скомандовала принцесса, чтобы хозяйка не обманулась в своих подозрениях, и уцепилась за перила лестницы, – пожалуйста, подпрыгни!

Гонза толкнулся вверх. Вслед за этим раздался треск, грохот, взметнулась пыль и мелкие щепки. Закричала хозяйка. С дробным топотом босых ног набежали на лестницу работницы. Пыль слегка развеялась, стало видно Гонзу. Он наполовину ушел в подпол и стал похож на полукруглую крышку с шариком-рукояткой наверху, какой прикрывают на подносе горячее мясо.

– Мои полы! – вопила госпожа Дук.

– Гонза! – промычала Ольма, не раскрывая полусонных глаз, двинулась на помощь и провалилась.

Женщины на лестнице ахнули. Теперь посреди комнаты возвышались две крышки для мяса. Принцесса чихнула от попавшей в нос пыли.

– Вот! Теперь гораздо лучше! – сказала она, пробуя прочность обломанных досок под ногами.

– Что? Где лучше? Полы мои! Мой дом! – голосила госпожа Дук, прижимаясь ко внутренней двери.

– Послушайте! – принцесса подняла прямую жесткую ладонь, и все замерли. – Ваши полы скоро развалились бы и сами. А теперь господин Гонза возьмет увольнительную и выправит их! Он сделает это за свои средства, в счет долга.

Написать в ходатайстве министру: «Прошу выдать денег солдату Гонзе на срочный ремонт полов в доме невесты» – это ведь совсем другое дело, не правда ли?

– У вас новый крепкий пол, у Гонзы Ольма. Мне кажется, это честная сделка. А вам?

Госпожа Дук нахмурилась на яму.

– Он начнет завтра же, – заверила принцесса.

Госпожа Дук нахмурилась на принцессу.

– Укрепить дом ведь не помешает? – обратилась принцесса за поддержкой к работницам, и те одобрительно загомонили.

– Хитро у вас там в комиссиях, – хмыкнула хозяйка.

– Королевские же! – улыбнулась принцесса.

– Ладно. Сделка, – буркнула госпожа Дук. – Полы, и впрямь, никуда не годились.

Гонза помог Ольме выбраться наверх, полез следом и, напоминая лодку, идущую по первому ледку, обломал еще несколько досок, прежде чем нащупал прочную.

– Хватит уже крушить-то! Смилуйся! – сказала госпожа Дук.

– Да потому что! – Гонза отряхивался у двери. – Балки у тебя прогнили!

– Все-все! – успокаивающе сказала принцесса. – Расходимся!

Они с Гонзой снова выбрались на улицу.

– Неужель уходите? – спросил мастеровой, сидящий на пустом бочонке у дома напротив.

– Так и есть, – кивнула принцесса. – Благодарю за ваше терпение.

Мужичок осклабился, хотел что-то сказать, но перевел взгляд на Гонзу и решил, что больше хочет просвистеть какую-то песенку.

По дороге принцесса рассказала Гонзе, где они возьмут денег на починку пола.

– Спасибо вам, Ваше Высочество! Я ведь все отслужу, вы же знаете!

– Не за что! – на этот раз легко ответила принцесса, не чувствуя за собой никакого шлейфа. – Как же это Ольму угораздило в таком месте оказаться?

– Так она же из деревни приехала. Хотела в швейную мастерскую наняться. Она мастерица. Видели у нее рубаха расшита? Это она все сама. Да не вышло как-то, а жить надо, ну и вот…

Гонза снова вздохнул, и встречную бродячую собаку снесло в проулок. Странно, что Ольма не нашла себе места. Вышивка действительно была знатная. Главное, что листья были похожи на листья, а по ягодам даже можно было определить их спелость. У самой принцессы, заколи ее иголочкой, многострадальная лилия выглядела так, словно ее недоела лошадь.

– Но это ничего. Мы подкопим деньжат, поженимся… – бубнил Гонза. – Снимем ей уголок в городе…

– А почему ты раньше не сказал? – остановилась принцесса. – Я могу замолвить словечко паре городских портних!

Гонза молча похлопал глазами и потянулся к затылку. Очевидно, такая возможность ему в голову не пришла. Ну ладно Гонза! Принцесса не могла вспомнить, почему сама этого не предложила?!

Пожалуй, стоит внести поправку в свой ненаписанный кодекс. Правило теперь должно звучать так: «Не стоит совать в чужие дела кончик носа». Если уж сунулся, то влезай по пояс, чтобы хорошенько разгрести все обеими руками.

– Вернемся, – сказала принцесса, и они зашагали обратно.

– Не-не! Не волнуйтесь, я подожду! – приветствовал их мастеровой с бочонка. – Вообще не тороплюсь!

Принцесса и Гонза зашли внутрь.

– Синева небесная! – попятилась по уцелевшим доскам госпожа Дук. – Про потолки вспомнили?

Принцесса и Гонза одновременно вздохнули.

– Возникли некоторые обстоятельства, которые мы не учли, и положение дел изменилось. – сказала принцесса вежливо. – Позвольте, я вам изложу…

Часть первая.
Узкий круг людей

– Послушай, Эва, – сказал король Арранты, Его Величество Эннер, – там будут люди, отношения с которыми когда-нибудь могут оказаться важными. Это наши соседи. А с соседями лучше укреплять связи, а не разрушать.

– Я понимаю, папа, – сказала Эва Лина Маунтенар Декрой, как и подобает послушной дочери и наследной принцессе.

– Тогда постарайся, пожалуйста, чтобы именно это понимание руководило твоими поступками, а не мимолетные настроения, – мягко, но весомо сказал король. – Например, даже если что-то вызовет твою неприязнь, не стоит уезжать без предупреждения и прощания.

– Да, папа, – вздохнула принцесса искренне.

Король прозрачно намекал на тот случай в прошлом году, когда она внезапно удрала из королевского дворца Фритонии, обширной и богатой страны к западу от Арранты. Получилось, что и говорить, действительно, неловко. Под влиянием момента она не только бросила гостеприимных хозяев и собственную свиту, обидев и тех и других, но еще и украла коня какого-то фритонского герцога. Ну, просто он первым стоял у коновязи и был оседлан! Конь, разумеется.

– Да-да, – сказал король Эннер, очевидно, проследив ход мыслей дочери по ее лицу. – Нам пришлось приносить извинения и возмещать убытки!

Принцессе не очень нравилось, когда по ее лицу отслеживают что-то, кроме того, что она сама хотела бы на нем вывесить. Она поджала губы и сложила брови домиком, чтобы выглядеть честной-пречестной, какой она и была в данный момент:

– Я обещаю! Никаких, как ты говоришь, «импульсивных действий»! Правда!

– Хорошо, – кивнул король. – Помни, пожалуйста, ты…

– Не просто юная леди, а представляю все королевство! – закончила за отца принцесса с интонациями рассудительного и ответственного человека.

Король вздохнул с оттенком сомнения в обоих пунктах. Принцесса ему это простила. Она подозревала, что быть ее собственным отцом не такое уж легкое дело. Однако, с другой стороны, быть самой принцессой, такой, какой она была, тоже, знаете ли, совсем и совсем непросто! Вот, например, что ей делать, если всю поездку честно стараясь быть благоразумной, как и было обещано отцу, она в конце концов нашла труп?

Это было бы совершенно неудивительно, если бы ее пригласили на какую-нибудь почетную казнь или, скажем, осаду крепости. Так ведь нет! Ее пригласили на церемонию вступления в титул герцога Актуанского Часлера Шестого – всего лишь несколько дней увеселений и празднеств. И вот на тебе! И не где-нибудь в канаве или на придорожной виселице – разное случается! – а в прямо центре герцогской резиденции, в замке Фореброль. Ладно, может, не в центре, а шагах в двадцати от него, но тем не менее!

Фореброль стоял в устье Актуанской долины, уходящей вглубь Сизых гор. На фоне массивных скальных выходов он издали выглядел, как наперсток рядом с краюхой хлеба. Вблизи же он оказался нагромождением трех корпусов и двух массивных башен, объединенных массой переходов, галерей, контрфорсов и пристроек в одно головоломное целое. Впрочем, в свете весеннего солнца выглядел замок довольно нарядно. Весь он был обнесен высокой стеной с несколькими башнями, которая начиналась и заканчивалась у гигантского вертикального утеса. Если он снаружи выглядит как лабиринт, что же там творится внутри?

– Главное на новом месте – запомнить, где твоя комната, выход и туалет! – напомнила себе принцесса, поднимаясь сразу на второй этаж по парадному высокому деревянному

крыльцу с оградками, резными колоннами и навесом. – Остальное осваивается по мере необходимости.

Встречал ее на крыльце сам герцог Часлер Шестой – лет на пять старше самой принцессы и весьма представителен: высок, темные живые глаза, манерные усы, объединенные в одно кольцо с бородкой, и темно-шоколадные кудри.

– Ваше Высочество, леди Маунтенар! – сказал герцог по-фритонски и раскрыл объятия, как будто они были старыми друзьями.

Однако они не были ни теми ни другими, поэтому принцесса еще вне его досягаемости присела в низком реверансе:

– Ваша Милость! – она издали протянула для поцелуя руку.

– Прошу! – слуги в зеленых камзолах, темно-коричневых рубашках и такого же цвета шапочках с загнутыми с трех сторон полями придержали для них тяжелые двери.

Внутри все оказалось не так уж сложно, прямо вперед вел широкий центральный коридор с низкими сводами и нишами по стенам. Через десяток шагов направо – вход в обеденную залу, еще через десяток налево – коридор к покоям герцога. Напротив коридора у стены стояли полные рыцарские доспехи с золотистой гравировкой по темной стали. Какая красотища! Если их продать, можно, наверное, купить три-четыре нормальных боевых комплекта «для дела», как говорил один знакомый принцессе кузнец. Ниши в стенах были украшены щитами и копьями, а под ними стояли длинные деревянные скамьи с резными барельефами на спинках.

– Сцены славных битв моих предков! – прокомментировал герцог так, будто это он сам их вырезал.

Принцесса провела пальцем по лошадям и воинам. Резьба восхитительная! Однако, насколько принцесса была в курсе, ни одной славной битвы в истории герцогов Актуанских не было.

Виной тому – или удачей? – была сама Актуанская долина, которая рассекала почти весь горный массив и где-то в его глубине заканчивалась «Ослиным седлом» – невысоким перевалом на другую сторону Сизых гор. Оттуда был всего день пути до Аппалии, королевства южных фруктов, тисненой кожи и прочих чудес. Другие дороги туда насчитывали не меньше трех высокогорных перевалов, и нетрудно было догадаться, где проходила подавляющая часть торговых караванов из королевств по обе стороны гор. Помогала торговле и река Актуа, змеившаяся по всей долине от самого перевала и уходившая во Фритонию.

Герцоги владели долиной и неустанно брали пошлину за провоз товаров. Иногда кому-нибудь начинало казаться, что пошлина высоковата и проще отобрать долину всю целиком с помощью военной силы. Имеющийся на тот момент герцог немедленно запирался в Форе-броле и ждал, пока ему придут на помощь все другие торгующие через долину королевства, которые, разумеется, имели что этому умнику-захватчику объяснить. Нападал всегда один, а крушили его все скопом, поэтому герцогство никому никогда захватить не удалось, несмотря на регулярные попытки.

«Славные битвы» действительно происходили прямо под стенами замка, но ни в одной из них герцог Актуанский не участвовал. У него и войска-то никогда не было. На его месте принцесса сидела бы на вершине главной башни и наблюдала батальные сцены сверху, возможно, на пару с художником, который бы их зарисовывал, чтобы вырезать потом на скамейках. Похоже, обилие военного декора в замке было как раз призвано возместить недостаток реальных подвигов.

– Сюда, пожалуйста! – они прошли по центральному коридору еще с десяток шагов, и Часлер указал направо.

Здесь примыкал еще один коридор, ведущий в большую восьмиугольную башню. Сразу по правую руку убегала вверх лестница на третий этаж.

– Это к комнатам моей сестры, – пояснил герцог.

А дальше были четыре двери, по две с каждой стороны, в четыре комнаты для гостей. Принцессе отвели дальнюю слева. Оказалось, что ближние комнаты уже заняты гостями, приехавшими пару дней назад вместе. Принцесса встретила их в коридоре, когда Часлер уже ушел, а ее собственные стражники потащили в комнату дорожные сундуки с вещами.

– Принцесса Хемнель, – представилась высокая блондинка в бело-голубом из комнаты справа.

– Принц Буорто-т'Аборссон, – сказал белобрысый крепыш с пятнами румянца на молочной коже из комнаты слева, сосед принцессы.

– Отлично! – сказала принцесса. – Я впечатлена. Честно! Но если ты не напишешь это на бумаге, я буду общаться только с Хемнель!

Хемнель улыбнулась какой-то отвлеченной улыбкой.

– Никто не может повторить сразу, – сказала она. – Поэтому мы зовем его Бурбос, нажимать на «у». И тебе советую. Она может называть тебя Бурбос?

Бурбос прищурился.

– Если только я смогу называть ее Эва!

– Лина! – разрешила принцесса.

Договор был заключен.

– Мы прокатиться, – сказала Хемнель, глядя на принцессу с высоты полуприкрытыми синими глазами. – Хочешь с нами?

– Я только приехала, – извиняясь, наморщила нос принцесса, – рада бы посидеть на чем-нибудь твердом.

Некоторая фамильярность в общении определялась двумя вещами. Во-первых, возраст – Хемнель была на год старше самой принцессы, а Бурбос на пару лет старше Хемнель. Во-вторых, язык – Хемнель была принцессой Мельхии, северного королевства, где говорили на языке очень похожем на аррантийский, если напрячься, то принцесса его почти понимала. Хемнель и Бурбос, в свою очередь, почти понимали ее, так что в разговоре с ними можно было не скручивать язык во фритонскую трубочку.

Бурбос был принцем королевства, которое лет десять назад было кем-то завоевано. На выручку никто не пришел, видимо, там не было востребованных торговых путей, и Бурбосу пришлось спасаться в дружественной Мельхии, при королевском дворе которой он и вырос. Если принцесса все правильно поняла на уроках истории, принцев и королей всегда было немного больше, чем королевств, и это был как раз такой случай.

Немного отдохнув после приезда и переодевшись, принцесса отправилась осматриваться. Дойдя до центрального коридора, она повернула не налево, к главному входу, а направо, туда, где еще не была. Вдруг там туалет? Если скажут, что шастать в одиночку по чужим замкам не принято, так она и не шастала! Она чинно прошла до конца коридора и увидела проем, от которого вниз шли довольно высокие ступени. И что? Не останавливаться же теперь? Принцесса спустилась, поворачивая вместе с лестницей направо, и нашла внизу дверь, выводящую на хозяйственный двор и к малым воротам в крепостной стене.

– Понятно! – удовлетворенно сказала принцесса самой себе и пошла обратно, для чего пришлось довольно высоко поднимать колени.

На этой обходной лестнице, всего в двадцати шагах от декоративных доспехов темной стали, она и найдет через несколько дней мертвое тело. И не какое-нибудь простое тело, а самых что ни на есть королевских кровей. Ей придется идти сообщать об ужасной находке хозяевам замка, и мелькнет мысль, что это происшествие, разумеется, прилипнет к ней надолго, как это бывает со всеми неприятностями.

– А! Та самая Маунтенар, что нашла труп в замке Форебролъ!

Принцесса хотела бы запоминаться людям другими вещами. Например:

– Та самая Маунтенар, образец грации и изящества?

Или:

– Та Маунтенар, которая мудра и прозорлива?

Или хотя бы:

– А! Принцесса Маунтенар, гордость своего отца?

Ничего такого про нее не говорили, хотя принцесса очень старалась производить хорошее впечатление. Наоборот, за дни, проведенные в замке Фореброль, на ее репутации повисло множество мелких недоразумений.

Взять хотя бы первый день, как раз тот момент, когда она нашла лестницу. Принцесса поднялась наверх, вышла в центральный коридор и встретила двух молодых дам. Одна из них была ей знакома – младшая дочь короля Фритонии Юго Светлого, ее высочество леди Иселла. Ей было года двадцать два, и выглядела она не хуже, чем звучала: черная как вороновы перья грива, высокие скулы и тонкий с легкой горбинкой нос.

– Здравствуйте. – принцесса присела в почтительном реверансе. – Леди Маунтенар Декрой, принцесса Арранты.

– А-а! – Иселла распахнула глаза. – Леди Беглянка!

Сказано это было очень любезно и беззлобно, но от этого получалось только еще насмешливее. «Беглянка» в буквальном переводе с фритонского на аррантийский звучало как «Убегалка». «Вот тебе и репутация, – кисло подумала принцесса. – Убегала ведь? Теперь терпи!» Она вздохнула, опустила глаза в пол и развела ладошки, мол, так уж вышло!

– Знакомьтесь скорее! – Иселла легко простила принцессу и предложила забыть прошлое одним движением кисти. – Леди Вайонна, старшая сестра нашего милого герцога и моя будущая… Как вы говорили?

– Золовка! Сложное словечко! – ответила вторая дама, смеясь, и обозначила поклон в сторону принцессы. – Как добрались?

– Ах, спасибо, прекрасно! – кивнула принцесса.

Про «отбила весь зад, растрясла мозги, наглоталась пыли, натерла бедро и искусана комарами» она говорить не стала, так Вайонну ведь это и не интересовало.

– А что вы делали на обходной лестнице? – выдала Вайонна свой истинный интерес.

– Я хотела лишь немного осмотреться, – честно ответила принцесса.

– У нас в замке не принято ходить по этой лестнице!

Принцесса открыла рот.

– Леди Вайонна! – сказала вдруг Иселла – Вы так тонко чувствуете грань дозволенного! Нам не понять тех, кто пересекает ее с завидной легкостью!

– Спасибо! – улыбнулась ей Вайонна.

– Позвольте я уведу ее у вас! – сказала Иселла принцессе, подхватила Вайонну за локоток и повела прочь по коридору.

– Она на крайний случай! – затихала вдали Вайонна. – У нас даже слуги через первый…

Принцесса закрыла рот. Что Иселла сказала про легкость – «завидная»?! И как это понимать? Кто завидует кому? Одна из причин ее бегства из Фритонии заключалась как раз в том, что там так говорили все! Два подтекста на каждую фразу плюс три варианта из-за интонации. Никакой словарь не поможет.

Иселла была, конечно, большой удачей для герцога Часлера Шестого. Мало того, что шестьдесят дней назад скончался его долго болевший отец и теперь он вступал во владение долиной, он еще и был помолвлен с фритонской принцессой с благословения короля Юго – что возносило его почти под самую синеву небесную. Торжественная свадьба планировалась месяца через три.

Смотрелась пара восхитительно даже на глаз принцессы, которая никогда сентиментальностью не отличалась. Герцог обладал некоторым мужским обаянием, а Иселла той самой грацией и изяществом, которых не замечали в самой принцессе. Часлер надувал грудь и воздевал

бородку, Иселла льнула и скользила по нему лучезарным взором. Глядя на все это, принцесса опасалась зашмыгать носом от умиления и пыталась понять, чем Иселла подкрашивает губы до такого густого темно-красного цвета?

Однако, как говорится, мозаику вблизи не разглядывают. Некоторый сюрприз поджидал принцессу уже в день приезда перед вечерней трапезой. Герцог знакомил ее с замком и между прочим пригласил осмотреть его собственные покои: огромный зал с мощными пилястрами по стенам, высоким сводчатым потолком и целым рядом выходящих на въездной двор стрельчатых окон с колоннами в простенках. Каждое окно обрамлено панелями темного дерева, верх проема занят свинцовой решеткой с веселым витражом, а оставшийся ниже прямоугольник открыт всем ветрам. Как они тут зимой не мерзнут?

– Это очень просто! – ухмыльнулся Часлер, и принцесса поняла, что он привык отвечать на этот вопрос.

Оказалось, что за каждой колонной прячется деревянная рукоять ворота. Часлер повернул один из них несколько раз. Согласно его движениям из паза в широком подоконнике вдруг поползла наверх деревянная рама с квадратиками стекол. Принцесса совершенно искренне ахнула.

– Система подвеса. Все спрятано здесь! – герцог похлопал рукой по деревянным панелям так, будто он сам это построил.

– Как изобретательно! – принцесса не лукавила.

– Как видите, и камина нет, – Часлер обвел рукой помещение. – На первом этаже топят печи, а горячий дым идет внутри стен!

Принцесса огляделась. Поверх узорных настенных ковров было развешено – кто бы сомневался! – оружие. Дальнюю часть комнаты отделял деревянный барьер с резными столбами в потолок, за которым угадывалась обширная кровать герцога, настенные полки и стол. Посередине комнаты высилась прямоугольная тумба с мраморной доской, а на ней деревянная шкатулка, вся покрытая какими-то символами.

– Любопытная вещица! – сказал герцог. – Попробуйте открыть.

Принцесса взяла шкатулку. Вся она будто состояла из брусочков разного оттенка, создающих замысловатый узор из квадратов и прямоугольников. Символы оказались вычурными буквами фритонского алфавита. Крышка не поднималась. Никакого отверстия для ключа. Вращая шкатулку, принцесса случайно надавила на торец одного из брусочков, и он сместился, выдавив с другого угла своего соседа.

– С секретом! – похвастался Часлер. – Совсем недавно сделана по специальному заказу! Надо знать, какие части сместить, иначе не откроется.

Действительно, другие бруски тоже смещались.

– Я поняла! – обрадовалась принцесса. – Нужно знать слово, чтобы подвинуть в правильном порядке!

– Вы умница! – поощрительно улыбнулся герцог. – Попробуйте «ч-а-с-л-е-р».

– Не очень трудная загадка, – пробормотала принцесса, занятая поиском нужных букв и смещением брусков.

– Я и не храню в ней герцогскую казну! – пошутил Часлер. – Это лишь забава.

На букве «р» что-то щелкнуло, и верхняя часть брусочков отделилась. Принцесса откинула крышку. Внутри, на подкладке из фиолетового бархата, лежал крохотный серебряный кулончик на серебряной же витой цепочке.

– Награда победителю! – сделал жест герцог.

У принцессы появилось смутное ощущение, что она не первая, кто проходит всю эту последовательность действий. Однако, почему нет? Она же открыла шкатулку! И медальон этот дешевый ни к чему не обязывал, просто безделушка от гостеприимного хозяина.

– Благодарю! – сказала она с намеком на легкий поклон и повернулась, чтобы герцог помог ей застегнуть цепочку на шее.

– Хотите прохладного вина? Фрукты? – спросил он сзади, дыша ей в выгнутую шею, с которой она убрала волосы, чтобы не мешали.

Никакого вина и фруктов вокруг не было. Принцесса озадаченно сдвинула брови.

– Не стоит хлопот…

– Никаких хлопот! Все для дорогой гостьи! – покровительственно сказал Часлер. – Даже не придется вызывать слуг!

Он вдруг дважды хлопнул по поверхности тумбы ладонью. Принцесса вздрогнула. Мрамор треснул ровными линиями, и четверть его пошла вниз, поравнялась с полом и не останавливаясь двинулась дальше, открывая глубокую дыру, похожую на колодец.

Принцесса поймала собственную челюсть на том, что она опускается вслед за тумбой, придавая лицу выражение пастушка, впервые увидевшего стенобитную машину. Принцесса вернула челюсть обратно, но не смогла удержаться от того, чтобы заглянуть вниз. Тумба уже преодолела всю толщину могучего перекрытия и находилась на первом этаже, где в красном свете свечей мелькали какие-то тени.

– Осторожнее, дорогая, там глубоко! – принцесса почувствовала, как рука Часлера охватила ее за талию и легла ладонью на живот.

– Ловко! – наблюдательно хмыкнул внутренний голос, но принцесса не обратила на него внимания, поскольку была поглощена происходящим на первом этаже.

– Мы же не хотим, чтобы вы упали и ушиблись! – ладонь герцога в порыве трогательной заботы оказалась на левой груди принцессы, и тут, конечно, поползшая вверх тумба уже перестала быть интересной.

Принцесса энергично повернулась, однако вырваться из объятий герцога не сумела, и теперь оказалась с ним нос к носу. Точнее – нос к застежке его мантии под ключицами. Деревянные колобашки на завязках его парчовой куртки вдавились ей в кожу от пупка до грудной кости. Все четыре. Принцесса подняла взгляд.

– Как волшебно блестят ваши волосы! – проурчал Часлер, касаясь их кончиками пальцев.

Мнения внутри принцессы разделились. Средняя часть, изрядно саму принцессу удивив, взволнованно задышала, изготовилась таять и шептать какую-то ерунду вроде: «Ах какой взгляд! Какие кудри!» и «Ой, мы нравимся ему, нравимся!» Ноги были возмущены и предлагали немедленно разрешить ситуацию хорошим тычком колена снизу. Верх, от плеч и выше, неожиданно замер в ступоре и не подавал никаких руководящих указаний.

Разнобой в реакциях объяснялся тем, что никто никогда с таким напором с принцессой за почти восемнадцать лет ее жизни не общался. Может быть, за пределами Арранты так принято? Неудобно будет начать знакомство с нарушения местных традиций. Или принцесса действительно впечатлила герцога до умопомрачения? Чтобы разобраться, нужно выиграть время, а то он уже почти в самый нос дышит.

– Ваша Милость! – принцесса подняла локти, исхитрилась упереться кончиками всех десяти пальцев Часлеру в грудь и напомнила. – Вас ждет свадьба!

Оттолкнуться принцессе не удалось, герцог наклонился ближе:

– Может быть, это большая ошибка! – почему-то дрогнув ноздрями, сказал он.

– Ой, как может быть! – запела середина.

– Левым или правым? – твердо спросили ноги.

Голова наконец пришла в себя и вернулась к руководству – как бы там ни обстояло дело с местными традициями, сейчас для них было не время. Середину приструнили, ногам дали отбой – прием с коленом был бы чересчур жестоким. По отношению к Иселле, конечно.

– И еще нас ждет обед! – пропыхтела принцесса упираясь.

Этот аргумент показался герцогу более серьезным, он сдвинул брови. Принцесса воспользовалась его мимолетной задумчивостью, вырвала наконец стан из его ладоней и, крутанувшись, отскочила так, чтобы между ними оказалась тумба. Поднявшаяся ее часть уже принесла наверх пару изящных кубков, корзинку с фруктами и большую глиняную бутыль, наполовину оплетенную лубом. Как и обещал Часлер – все для дорогой гостьи!

– Интересно, – неожиданно спросил внутренний голос, глядя в дальний конец комнаты, – а кровать у него тоже как-нибудь раздвигается и переворачивается разными частями?

Это и впрямь было очень любопытно, но принцесса от расспросов воздержалась.

– Благодарю, Ваша Милость! – сказала она вслух и взяла из корзинки большой рыжий шар. – Замечательно! В Арранте апельсины большая редкость!

К концу фразы она нащупала спиной дверь и выскользнула, не дожидаясь ответа.

На торжественном обеде по случаю сбора гостей принцесса разглядывала прибывших, как, разумеется, и все остальные друг друга. В числе приглашенных оказались две абсолютно одинаковые барышни примерно одного с принцессой возраста.

– Великие княжны Борлонские, – представил их герцог – Мальеза и Аммана!

«Оборви мне лепестки и листики! – думала принцесса, радостно улыбаясь в ответ. – Что это хоть значит – княжны? Да еще и великие!» Довольно тощие золотистые блондинки со множеством мелких косичек, часть которых оплетала головы, а другая разворачивалась веером при каждом их повороте, с самого начала создали принцессе множество проблем. Во-первых, уже к концу салата она забыла, как их зовут. Она тихо переспросила у сидящего рядом Бурбоса.

– Молеса и Аллама, – уверенно сказал Бурбос, и принцесса поняла, что проблемы не только у нее.

Во-вторых, даже если бы имена запомнились, не было решительно никакой возможности различить, где чье. Близняшки либо появлялись в одинаковых платьях, либо так часто их меняли, что даже одежда служить ориентиром не могла. В-третьих, принцесса так и не смогла вспомнить, где же находится это – порасти оно брюквой – княжество Борлонь!

Справа от принцессы расположились муж и жена из Аппалии: Орджонно и Катверия. Последняя была веселой толстушкой, которая непринужденно поддерживала любой разговор. Тонкость была в том, что говорила она только по-аппалийски, причем на южном диалекте, в котором принцесса, несмотря на регулярные уроки этого языка, разобрать не могла ни слова. Принцесса внимательно огляделась и пришла к выводу, что и никто другой тоже. Это Катверию не смущало! Она легко обращалась к любому собеседнику через весь стол, сама шутила, сама смеялась, сама спрашивала и сама же отвечала.

– Тра-та-ти-та-ту-четто, – делилась Катверия последними сплетнями из жизни аппалийского двора, и поразительно, сколько там всего произошло!

Принцесса даже простое «та-та-та» не могла бы с такой скоростью повторять. Однако если кто-то начинал говорить громко и долго, Катверия через некоторое время смолкала – ей ведь тоже было интересно – и наклонялась к Орджонно, который переводил ей с фритонского.

Сам Орджонно, кажется, племянник их короля, был улыбчивым атлетичным брюнетом, чье лицо от глаз и ниже сплошь покрывала черная щетина, а выше такая же прическа. Принцесса скосила глаза на его запястья и подумала, что такому густому волосу вплоть до костяшек пальцев и некоторые собаки позавидовали бы. Она попыталась представить себе… Но вовремя одумалась и сосредоточилась на супе.

Замыкал список принц Фот, благодаря присутствию которого принцесса не была самой младшей в зале, ему было еще на год меньше. Он был сыном короля Фота, дальнего геральдического родственника собственного отца принцессы, по причине чего в детстве их регулярно возили друг к другу на дни рождения. Родственные узы от этого не упрочились, а скорее даже наоборот, поистрепались.

– Привет! – покачала ему принцесса через стол ладошкой.

Принц Фот, который вымахал ввысь, но еще не раздался вширь, посмотрел на нее довольно холодно и коротко кивнул. Принцесса подумала, что если убрать его клочковатую пухоподобную бородку, то он будет похож на свою мать, королеву Геврy. Однако если у той в глазах плескалось безумие – не самые приятные воспоминания! – то у принца просто некоторая нервозность.

– Ты жалуешься, что они тебя «убегалкой» прозвали! – сказал внутренний голос, оглядывая принцев и принцесс, которых набилось как несушек в курятнике. – А сама-то? Сидишь и про каждого ехидную колкость думаешь!

Принцесса положила в рот хлебный шарик и пообещала голосу поискать в людях что-нибудь хорошее.

Про саму принцессу ехидных колкостей и придумывать не надо было. За время обеда она постаралась за всех и исхитрилась дважды отдалиться от желаемой репутации. Один раз, когда Катверия протянула ей вазочку с какими-то желтым аппетитным на вид фруктом размером помельче яблока. Принцесса и откусить от него хотела, как от яблока. На полпути зубы с хрустом ударились в большую косточку. В глазах вспыхнули огни и искорки. Часть из них, очевидно, посыпалась и на обеденный стол, потому что все на нее уставились. Принцесса поняла это, конечно, после того, как к ней вернулись зрение и слух.

– Тихо, тихо, – приговаривал Бурбос, двумя пальцами осторожно вынимая у принцессы изо рта полупрокушенный плод. – Все хорошо.

– Иззыныте, – сказала принцесса.

– Тра-та-татта, – вступила Катверия и, придерживая принцессу за затылок, стала активно промакивать ей слезы, слюни и все прочее собственным платочком.

Принцессе казалось, что ей три года и она только что промахнулась мимо рта ложкой каши. Грация и изящество! Обедающие потихоньку вернулись к застольной беседе, а Катверия на пяти плодах терпеливо разъяснила принцессе, как именно их лучше разрезать на дольки. Принцесса была ей очень благодарна, потому что уловила, что фрукт, который она с этого момента терпеть не может, называется «абрикос».

Во второй раз принцесса отличилась, когда слуги, бесшумно поднимавшиеся из кухни на первом этаже по лестнице в дальней части зала, накрыли десерт – печенья с изюмом, нуга и миндальное молочко, аппалийские вина. Вайонна во всеуслышание рассказывала принцессе Иселле, как она будет рада регулярно посещать Фритонию на правах золовки.

– Мне ли вам объяснять, что фритонский двор – это средоточие всего самого лучшего, что могут себе позволить люди нашего круга! Лучшие рецепты, лучшие ткани и покрой платьев, лучшие художники, лучшие манеры, конечно, и все прочие… – Вайонна изобразила рукой в воздухе сложную фигуру, – накопленные людьми знания.

Иселла раскрывала глаза так, будто никогда не бывала при собственном дворе. Вайонна сделала маленькую паузу, тут-то и влезла принцесса, которая к тому времени оклемалась от абрикоса и перестала пересчитывать зубы языком.

– Размер квадратов на двух малых сторонах треугольника, – ринулась принцесса поддержать беседу, – равен размеру квадрата на его большой стороне.

– Что это? – спросил герцог через паузу.

– Это из накопленных людьми знаний, – порывисто пояснила принцесса.

Воцарилась тишина. Герцог посмотрел на Вайонну. Вайонна посмотрела на Иселлу. Иселла смотрела на принцессу с выражением средним между «Ты кто, вообще, такая?» и «Наконец-то, на арене шуты!».

«Вот кто тебя, брюква, тянет за язык?!» – спросила себя принцесса, представляя собственный розовый язычок стиснутым чем-то похожим на кузнечные клещи.

– Это у вас в Арранте недавно выяснили? – спросил герцог вежливо.

Принцесса попыталась промолчать, но клещи были неумолимы и просто выдернули язык наружу:

– Почему в Арранте? Это уже полторы тысячи лет всем известно! – принцесса попыталась смягчить сообщение искренней улыбкой.

Герцог Часлер пожевал нижнюю губу. Иселла откинулась на спинку стула и загадочно приподняла уголки губ. Вайонна открыла, закрыла и снова открыла рот, но тут раздались звуки, как будто кто-то захлебываясь тонул в бочке с элем.

– Простите, – сказал Бурбос, приподнимая кубок, – подавился.

Он похлопал себя по груди, глубоко вздохнул, но выдохнуть не смог – молочные щеки с румянцем ярче обычного округлились, и он зафыркал, на этот раз напоминая пузыри, всплывающие из кипящего горохового супа.

– Не вижу ничего смешного в этих квадратах, – пожала плечом Вайонна.

Принцесса размышляла: попытаться ли как-то исправить впечатление или лучше сразу утопиться во взбитых сливках, но в этот момент заговорила Катверия, и эпизод забылся. До конца обеда принцесса просидела на всякий случай молча, сосредоточенно изучая портреты герцогских родственников на гобеленах, украшавших длинную стену залы.

Вечером, ожидая прихода служанки, которая бы приготовила ее ко сну, принцесса сидела на кровати и разглядывала лебедя на одном из ковров, которые в два ряда завешивали стены для тепла и уюта. Лебедь пытался взлететь из пруда и уже вытянул длиннющую шею и поднял крылья.

Можно ли первый день в Актуанской долине записать ей в плюс? Не похоже. Из минусов: была застукана хозяйкой на лестнице для слуг, насмешила всех абрикосом, встряла в разговор с глупыми квадратами, отвергла домогательства герцога… Принцесса почесала нос и решила, что последний пункт надо все же вычеркнуть. Вряд ли папа имел в виду укреплять связи прямо уж до такой прочности!

В последующие дни нужно будет постараться. Все-таки это высший свет. И даже без отцовских наставлений принцесса хотела бы к нему принадлежать. Это и почетно, и выгодно. Это стоит усилий. Принцесса насупилась. А то она уже и шею вытянула и крылья развела, а никак не взлетается!

На этом месте у принцессы возникло ощущение, что не только она лебедя разглядывает, но и он ее. По левой руке и плечу побежали мурашки. Это еще что такое? Делая вид, что изучает соседний ковер, принцесса встала, подошла к стене поближе и скосила глаза. Лебедь по-прежнему взлетал, повернув голову в профиль и задрав желтый клюв. Только глаз у него был чересчур темный даже для тусклого освещения.

Принцесса повернулась к лебедю спиной, взялась двумя руками за напольный подсвечник – свитые вместе кованые прутья, разбегающиеся внизу на закрученные колечками ножки.

– Принцессы бывают разные! – сказала она, будто размышляя вслух. – И некоторые делают удивительные вещи, когда остаются наедине в своих комнатах!

С этими словами она оторвала подсвечник от пола и, крутанувшись всем телом, с разворота двинула одной из чугунных ножек лебедю в брюхо.

– Йа-хха штопп! – глухо сказал лебедь и заколыхался.

Принцесса подождала. Что-то щелкнуло, лебедь успокоился, больше ничего не происходило.

– Например, – сказала принцесса лебедю, заканчивая мысль, – любят помахать железными предметами.

Никто не ответил. Одной из ножек подсвечника она отогнула край ковра – за ним обнаружилась прямоугольная ниша в стене. Пустая!

Принцесса взяла свечу с прикроватной тумбы и забралась в нишу. С трех сторон ее окружала каменная кладка, а с четвертой закрывал ковер, в котором – как она и предполагала –

была дырка. Принцесса привстала на цыпочки, заглянула в нее и увидела собственную кровать. Границы дозволенного в Актуанской долине были довольно извилистые!

Принцесса развернулась к стенке. Что же тут щелкнуло? Держа подсвечник правой рукой, она стала ощупывать камни левой. Камни как камни, довольно плотно подогнанные друг к другу. И никаких букв для подсказки!

Принцесса положила ладонь на очередной каменный бок, на среднем пальце засветилось, отражая свечу, кольцо с одним большим и четырьмя маленькими прозрачными камешками. Принцесса переместила руку, под другим углом к свече кольцо светиться перестало. Принцесса вернула руку и снова полюбовалась отблеском.

Внезапно ей показалось, что камень под ладонью немного шевельнулся. Она стала толкать его в разные стороны, и он вдруг сдвинулся совсем чуть-чуть влево, потом вверх, а затем повернулся вокруг своей оси. Левая часть ушла вглубь, а правая выступила к носу принцессы, отчего глаза съехались к переносице. Открылось два темных квадратных отверстия. Принцесса подняла брови, и потянулась в отверстие заглянуть, с опаской собрав губы в точку. На полпути она поразмыслила, нахмурилась, вспомнила, что обещала отцу, и благоразумно решила не совать нос в темные дела.

Защелкнув камень обратно, она стала выбираться из-под ковра и встретилась взглядом со своей служанкой Брисой, которая принесла вечерние принадлежности.

– Ваше Высочество?

– Смотрю, как тут ковры крепят, – по-хозяйски сказала принцесса и действительно посмотрела на деревянные штанги с железными крюками, к которым ковер был подвешен с помощью железных же колец.

Она оправила на стене лебедя и отошла.

– А свечи, что у вас по полу валяются? – спросила Бриса, глядя на последствия размахивания подсвечником.

– Бриса! – сказала принцесса старательной, аккуратной и преданной, но несколько простоватой служанке, сняла с шеи кулон и повесила его на подсвечник. – Ты точно хочешь знать?

На следующий день состоялся турнир, на котором бились всадники, прибывшие в сопровождении высокородных гостей. Замок Фореброль, разумеется, не мог вместить свиту, стражу и прочую челядь из шести королевств, поэтому в замке проживали только сами гости, а все остальные разместились в полевых лагерях, разбитых цепочкой по берегу реки Актуи.

После завтрака гостям были предложены прогулочные коляски, на которых можно было доехать до своего лагеря, а потом торжественно прибыть на турнирное поле в сопровождении свиты, бойцов и праздничных штандартов. Просто и удобно! Но принцесса и тут нашла как отличиться.

Закончив трапезу, все двинулись из обеденной залы налево, к парадному крыльцу, где ждали коляски. Все, кроме принцессы, которая повернула направо, к обходной лестнице.

– Леди Маунтенар, – сказала ей в спину Вайонна ласково. – прошу вас сюда!

– Спасибо! – сказала принцесса радостно. – Не беспокойтесь! Я пройду через малые ворота, так будет гораздо быстрее! Заодно прогуляюсь!

– Малые ворота?! – воскликнула Вайонна, будто принцесса собралась лезть через дымоход, и покосилась на принца Фота, которого держала под локоть.

Разумеется, никто не поспешил пройти дальше, наоборот, все обернулись и подтолпились поближе. Принцесса порозовела.

– Там пройти всего два шага! – сказала она своим самым милым тоном.

Принцесса была права – на коляске нужно было выезжать через главные ворота, делать крюк по дороге, а потом фактически возвращаться к замку вдоль реки. Малые ворота смотрели назад и в сторону от главных. От них по дорожке к реке, хорошо, не два, но всего шагов сто, и сразу по левую руку начинались шатры. Никаких проблем! Принцесса хлопнула ресницами.

– Ваше Высочество! – сказала Вайонна осторожно. – Но через малые ворота возят селедку!

Принц Фот улыбнулся. Принцесса начала заливаться краской. Даже не от того, что ее, кажется, сравнили с селедкой, а от искреннего недоумения – то, что ворота хозяйственные, ведь не означает, что через них невозможно пройти? В чем проблема-то?

Неловкий момент затягивался, и принцесса решила сдаться, в конце концов, это замок Вайонны, а значит, нужно соблюдать ее границы.

– Я тоже прогуляюсь! – неожиданно сказала Хемнель, обогнула Вайонну и, посветив ей с высоты своего роста северной полуулыбкой, вдруг добавила. – Селедка – это очень вкусно!

Она прошла мимо принцессы, развернув ее ладонью за плечо и увлекая за собой к обходной лестнице. За спиной загомонили голоса, и остальная публика продолжила путь к коляскам.

Принцесса спускалась первой и на середине обернулась к Хемнель.

– Спасибо! – искренне сказала она.

Из-за высоких ступеней Хемнель предстала в неожиданном ракурсе – перед самым носом принцессы были башмачки с пряжками, которые позвякивали при каждом шаге, выше приподнятый Хемнель на спуске подол голубого платья, а уже где-то в самой выси полуприкрытые синие глаза. Ощущение было такое, будто Хемнель над ней летела.

– Лучше бы я эту лестницу и вовсе не находила! – сказала принцесса вверх.

– А! – Хемнель повела рукой и снова взялась за подол. – Разберемся.

На руке у нее был перстень. Принцесса обратила внимание, потому что он не очень подходил к голубому наряду – золотой с прямоугольным непрозрачным камнем, разделенным по диагонали на два цвета – красный и почти изумрудный. Принцесса повернулась и продолжила спускаться, думая о том, что этот перстень ей что-то напоминает.

На турнире Арранту представлял Моартелл – довольно молодой для рыцаря мужчина, что, видимо, потребовало от него каких-то подвигов на поле боя. Он лишь недавно вступил в королевский рыцарский орден Арранты. Перед первой схваткой принцесса повязала ему на шлем белый шелковый шарф со своей монограммой, вверяя ему свою символическую честь.

Она даже честно болела за него, хотя и не до конца понимала, в чем именно состоит удовольствие от долбания друг друга копьями на полном скаку. Это казалось ей не очень продуктивной тратой сил. Общий азарт, впрочем, потихоньку ее захватил, тем более что сил самой принцессы много не требовалось – вовремя вскакивать с криком «Хой!» и махать платочком не так уж и сложно. Можно было и не вскакивать, а как принцесса Иселла, поводить рукой с платочком на самых кончиках пальцев. Для этого, правда, надо было научиться именно так поводить рукой!

В самом начале турнира Иселла подошла к барьеру трибуны, специально построенной и украшенной флагами к приезду высоких гостей, и возвестила:

– Честь фритонской принцессы пусть защищает лучший!

С этими словами она запустила лоскут тонкой материи в воздух. Несколько фритонских рыцарей бросились его ловить, а двое даже с грохотом столкнулись. Все радостно засмеялись и захлопали. Принцессе же было не смешно. Шарф был брошен столь выразительным жестом, что она чуть сама не сиганула за ним через барьер, хотя и не была фритонским рыцарем. Что-то из живота рванулось вслед за рукой Иселлы, как у собаки, которой бросили палку. Как это у нее выходит?

Сидя почти на самом краю королевского ряда скамей, принцесса украдкой попробовала повторить движения Иселлы. Может, локоть надо держать выше? Или запястье больше на себя загибать? Кончилось это тем, что она поймала на себе удивленный взгляд четырех глаз борлонских княжон.

– Что? – принцесса взметнула брови и вытаращилась в ответ.

У нее было всего два глаза, но зато она их высунула дальше.

Княжны отклонились, составили золотистые головы в одну и живо обсудили что-то между собой. Тут принцессу осенило – со стороны ее упражнения выглядели так, будто она пародировала Иселлу, а не пыталась у нее научиться. Краем глаза принцесса видела, что борлонские барышни поделились увиденным и с леди Вайонной. Хлам!

Можно подумать, эта Вайонна сама какой-то образец для подражания! Несмотря на тень от навеса, сестра герцога была вся розовая и возбужденная! Она так переживала, что не только вскакивала с платочком, но еще и подпрыгивала, сидя на месте. А когда барон Друасс, который носил ее платок, подъехал к трибуне после победного поединка, Вайонна и вовсе, в ажиотаже перегнувшись через барьер, поцеловала его прямо внутрь шлема. Принцесса сморщила нос – внутри доспехов рыцари были не то чтобы свежие и благоухающие.

С другой стороны, Друасс все-таки стал победителем турнира, может, и заслужил. Ирония была в том, что собственных рыцарей в герцогстве Актуанском не было. В маленькой долине не помещались еще и владения каких-нибудь знатных всадников. Друасс был фритонским бароном, просто его земли граничили с герцогством, и он призван был за него выступать. Рыцарь Моартелл оказался лишь на четвертом месте из двенадцати, что было очень неплохо, но до поцелуя не дотягивало.

Зато аррантийцы победили в борьбе благодаря усилиям Гонзы – солдата, который часто сопровождал принцессу в поездках. Фигурой Гонза напоминал гигантское яйцо. Ну, медведь, знаете ли, тоже косолап и мешковат, но если кто пробовал убежать от него или спастись на дереве… Рассказов о таком из первых уст принцесса никогда не слышала.

Соперников пожиже Гонза, вдруг подсаживаясь, подхватывал на плечи, а потом бросал спиной на землю, выбивая дух. Тех, что покрупнее, он обхватывал за пояс, выдавливал дух постепенно и складывал оставшееся на краю арены. Самого Гонзу за пояс было обхватить проблематично из-за особенностей фигуры.

– Как называется этот стиль борьбы? – спросил Орджонно с акцентом.

– Он называется «Тройной рацион», – ответила принцесса, не отводя глаз от Гонзы.

– Надо же! Не знал. Аррантийский?

– Рацион-то? – принцесса была предельно серьезна. – Конечно.

Последний противник решил взять Гонзу с разбега, но запнулся и упал сам. Гонза перевернул его лопатками к земле, прижал сверху коленом и был объявлен чемпионом. Принцесса радостно крикнула «Хой!», но от поцелуев опять воздержалась.

Вечер прошел без особых происшествий. Вайонна хлопотала вокруг Иселлы. Иселла одаряла взглядами герцога и была равномерно мила с остальными. Герцог отвечал невесте взаимностью, но не забывал очаровывать и прочих дам, хотя к принцессе, похоже, охладел. Щебетала тут и там двухголовая борлонская княжна, мрачно громоздился на их фоне принц Фот. Хемнель, сидя рядом с принцессой, голубела загадочной улыбкой.

– Красивое кольцо, – сказала она, кивнув на левую руку принцессы.

– Это подарок, – принцесса уже привыкла рассказывать эту историю. – Отец вручил мне его на шестнадцатилетие, как подарок от мамы. Она давно умерла. Уже скоро два года ношу. А твое откуда?

– Тоже подарок, – Хемнель мерцала своим полуприкрытым северным светом. – Только другой.

Продолжать она не захотела. Принцесса принялась было обсуждать с белобрысым Бурбосом особенности азгорских жеребцов – в этом она кое-что смыслила! – но тут Катверия вспомнила одну историю, и всем остальным разговор пришлось прервать.

Принцесса слушала Катверию и думала, что вообще-то ей и ее мужу здесь делать нечего. Как, впрочем, и всем остальным гостям. Вступление какого-то мелкого герцога в титул вовсе не такое событие, чтобы на него съехались великие монархи или даже их наследники. Важности событию придавала помолвка Часлера с Иселлой. Все вокруг подозревали, что дело не в боль-

шой любви, а в том, что отец невесты, король Юго Светлый, решил таким образом прибрать себе Актуанскую долину. И молодые титулованные особы были направлены сюда своими глазами посмотреть, что к чему. Ее отец, король Арранты, сформулировал это как «укреплять соседские связи». Интересно, какие напутствия получили все остальные?

Подводя личные итоги дня перед сном, принцесса пришла к выводу, что сегодня ей не удалось серьезно повредить своей репутации, и велела себе считать это хорошим результатом.

– Мы еще не достигли цели, – сказала она лебедю на ковре, словно он тоже мечтал о высшем свете, – но мы движемся в нужном направлении.

Она пожелала лебедю доброй ночи и повернулась на бок, если за ковром кто-то прячется, он может сколько угодно таращиться в ее засыпающий затылок.

Внезапный удар принцесса получила на следующий день по пути в небольшой городок ниже по течению реки с изобретательным и неожиданным названием – Актуан. Целью было посещение рыночной площади, где гости могли подивиться обилию разнообразных товаров и приобрести приглянувшееся. Как-никак они находились на самом оживленном торговом перекрестке, и Актуан мог похвастаться настоящими диковинками.

С утра все было хорошо. Дамы отправлялись на прогулку в колясках, мужчины верхом, за одним, разумеется, исключением: принцесса упросила Вайонну оседлать для нее лошадь. Специально чтобы избежать публичных пререканий, она даже побеспокоилась сделать это заранее, сразу после завтрака.

– Если так принято в Арранте… – протянула Вайонна, но отдала нужные указания.

Немногим позже, уже направляясь на прогулку, принцесса вышла из своей комнаты и по привычке чуть не повернула к обходной лестнице. Она уже опомнилась и хотела развернуться, но остановилась.

– Тратта-та-татта-та, – доносилась из-за поворота коридора суровая отповедь.

Принцесса медленно сместилась влево. Из-за угла стены показалась Катверия, стоящая к ней почти спиной. Напряженными прямыми пальцами одной руки она тыкала во что-то перед ней чуть повыше собственного носа.

– Что? – ответил ей голос Хемнель, и принцесса поняла, что Катверия тыкала ей в грудь. – Я не понимаю…

Катверия воздела указательный палец и выразительно потрясла им у себя над головой, что соответствовало высоте лица Хемнель. Судя по тону, Катверия близилась к концу. Принцесса бесшумно отступила, повернулась на носочках и пошла к парадному крыльцу. Сохранять благоразумие и не совать нос в чужие дела, только так! Если носу будет совсем невтерпеж, можно расспросить потом Хемнель…

Актуан был беленьким с красненьким, веселеньким и солнечным. Может, его помыли к приезду гостей? Вместе с длинной процессией принцесса втянулась на такие узкие мощеные улочки, что рядом могли ехать лишь два всадника. Рядом с принцессой по случаю оказался принц Фот на серой лошади. Они обменялись парой случайных фраз. Фот помолчал и вдруг, окинув принцессу неласковым взглядом, сказал:

– Странная ты все-таки.

– Почему это? – удивилась принцесса.

– Ты не обижайся, – сказал Фот, – я это по-дружески, но ты же всегда поперек.

Кавалькада преодолела лабиринт улиц и въезжала на залитую солнцем рыночную площадь. Перед фасадом светлого трехэтажного здания с прихотливой лепниной на окнах возводили помост и трибуны для предстоящей церемонии вступления герцога в титул.

– Это все из-за того случая во Фритонии? – принцесса подразумевала свое злополучное бегство.

– И это тоже, – сказал Фот. – Да хотя бы и здесь: ездить верхом, ходить по пожарной лестнице, тыкать всех носом в какие-то квадраты. А потом удивляешься, что с тобой не очень-то общаться хотят.

– Не хотят? – глупо переспросила принцесса, солнечный свет вокруг слегка потускнел.

– Ну… – Фот замялся, а потом выдал нехотя: – деревенщиной считают.

У принцессы было такое ощущение, что она проглотила кость от абрикоса целиком.

– Кто считает? – воображение подсунуло физиономию Вайонны.

– Да, вон, хоть та же Хемнель говорила…

Принцесса так растерялась, что не могла придумать, что сказать. Абрикосовая кость не провалилась в живот, а больно давила в груди.

– Это дом городского совета? – спросил принц Фот герцога, отъезжая от принцессы и показывая на трехэтажное здание.

– Нет-нет! Городской совет там, – герцог указал на здание попроще на другой стороне площади. – Это дом нашего герольда, церемониймейстера, того самого, который послезавтра и возложит на меня титул. Все по традиции!

Принцесса невидящим взглядом уставилась на дом герольда. Деревенщина?! Резные скульптуры на левой части фасада сочувственно развели руками. Да с какой стати? Сама-то эта Хемнель кто?! Скульптуры на правой части фасада не ответили, поскольку их там еще не успели установить. Принцесса отвернулась и тронула лошадь вслед за остальными, щеки у нее горели, нижняя губа предательски пыталась искривиться.

На время церемонии городской рынок сократили вдвое, оставив на дальней стороне площади только самые нарядные и богатые лавки, но и они не смогли порадовать принцессу. Она даже не слезла с лошади, чтобы рассмотреть цветные шелка или чеканные кувшины. Все это представлялось ей нечетким, будто в некотором синеватом тумане. В этом же тумане она вернулась и в замок, не заметив ни акробатов, развлекавших на канате публику, ни вкуса закусок на специально накрытых столах.

В комнате принцесса подошла к лебедю и пнула его ногой в белую грудь, хотела убедиться, что за ним никого нет. Никого не было – а жаль! Принцесса с удовольствием пнула бы еще кого-нибудь, она уже перешла от состояния синеватого оцепенения ощипанной курицы к багровому настрою бойцового петуха.

– Деревенщина! – еще некоторое время в голове крутилось только одно это слово, поэтому она повторила его семьдесят восьмой раз. – Деревенщина!

Глаза норовили намокнуть, о чем их никто не просил. Хотя это было не совсем так. Пока принцесса пребывала в оглушении, руководить организмом взялся внутренний голос.

– Мы бедные и несчастные! – возглашал он, и невесть откуда взявшийся хор подпевал тут же подхватывал: – Мы не заслужили! Ах, как несправедливо!

И голос удовлетворенно подливал влаги в глаза. Принцесса длинно выдохнула через надутые щеки и этим разогнала завывающее внутреннее собрание, а последствия уже сотворенных им бедствий промокнула снаружи запястьем.

Была одна тонкость, о которой она никак не могла подумать, пока шумели рыдальщики – что означает «заслужила»? Есть ли прямая и прочная связь между тем, что делала принцесса, и тем, что думает о ней Хемнель? Вот, например, сама принцесса думала, что Хемнель вполне компанейская и дружелюбная, а теперь думает, что она сноб и сплетница – и то и другое на основе действий самой Хемнель. Какое из описаний правильное?

А манерная курица Вайонна? Или изящная до змеиности Иселла? Они действительно «заслужили» такое о себе мнение или это сама принцесса слишком быстра и язвительна в суждениях? Простейшие рассуждения приводили к выводу, что исчерпывающе описать человека одним коротким словом на второй день знакомства невозможно.

Конечно принцесса хотела бы, чтобы люди ей восторгались, кто не хочет? На худой конец – уважали. Однако, так ли уж важно мнение именно этих людей? Хочет ли принцесса подольше погулять именно в этом саду? Начни она составлять список авторитетов, вряд ли кто-нибудь с этой клумбы оказался бы упомянут раньше пятой страницы.

Выходило, что надо перестать думать: «какая она, по их мнению?» и «такая ли она на самом деле?», и начать думать: «что в этой ситуации делать?» Все-таки ее не убили, а всего лишь обозвали, и придется как-то жить дальше, а повторяя про себя одно и то же слово, хорошего плана действий не составишь.

План номер один – пойти в свой лагерь, велеть сворачивать шатры и уехать! Отменяется. Принцесса подозревала, что звание «двукратной убегалки» прилепится уже навсегда. План номер два – пойти и стукнуть Хемнель подсвечником! Отменяется. Не способствует укреплению связей. План номер три – упасть на кровать и пару дней одиноко порыдать в подушку! Принцесса поразмыслила. Выглядело, ох как заманчиво! Смущало одно – когда отплачешься, положение вещей будет ровно такое же, а глаза опухнут. Отменяется.

Принцесса села на один из нарядных сундуков, расположенных по обе стороны входной двери. Они отличались тем, что стояли не прямо на полу, а имели короткие толстые выгнутые завитком кованые ножки – четыре по углам и еще пару в середине, поскольку были длинными. План номер – какой-там? – пойти купаться в бассейне у горного источника, как и предлагали хозяева. Какой-то у них тут есть особый родник, из которого горячая вода течет…

Принцесса представила себе общество, с которым она столкнется, как только выйдет за дверь: взгляды, улыбочки, фразочки, противная Хемнель – лезть с ними со всеми в одну воду? Принцесса покрутила в голове картинку, перевернула и посмотрела на нее с другой стороны. Вообще-то, сама она собирается купаться с утонченными дамами высшего света. А вот им придется лезть в одну воду с деревенщиной. Кто должен переживать?

Дамы на картинке стали поджимать локти, подтягивать ноги и отодвигаться. Принцесса понаблюдала, как она сама вольготно развалилась на освободившемся месте и демонстративно скребет шею. Ладно уж! Даже и без почесывания неплохо!

– Начинайте волноваться! – сказала принцесса вслух. – Деревенщина идет купаться!

Если двигаться от гравированных доспехов по боковому коридору, то слева были покои герцога, справа – Иселлы, а в конце шел подъем ступенек на десять, площадка и еще десяток ступеней направо. Здесь начиналась красота – длинный прямой переход над горным ручьем. Справа лежала долина с рекой, в которую впадал ручей. Слева убегало вверх по расселине его ложе, сплошь из камней, принесенных самим ручьем. Посети принцесса Форебролъ месяца три назад, на его месте она бы увидела бурную горную реку, но сейчас, поздней весной, вода текла лишь в самой середине русла.

Переход шел по верху гигантской арки, прыгнувшей от замка к большой скале, где на уступе прилепился павильон-купальня. Виды и высота сбивали дыхание, но было совсем не страшно – с обеих сторон перехода шел широкий каменный парапет с такими квадратными зубцами, словно он воображал себя крепостной стеной. Пройдя по переходу, принцесса вошла в купальню с большим многоугольным бассейном в центре.

Где-то рядом из скалы били горячие источники, а чуть дальше был холодный водопад. Еще какие-то пра-пра-герцоги додумались такое редкое сочетание использовать и выстроили каналы, которые направляли оба потока в бассейн, а оттуда сбрасывали воду со скалы вниз. Заслонками в каналах служанки могли менять уровень и температуру воды – от имитации купания в проруби до приготовления из купающихся супа.

В бассейне уже сидели Вайонна, Иселла и полный набор борлонских косичек. Вокруг хлопотали служанки в коричнево-зеленых платьях.

– …что нужно будет приобрести отдельный дом, – говорила Вайонна. – Так сказать, обустроить столичную резиденцию герцогов Актуанских! На случай длительных визитов.

Все понимающе засмеялись. Служанки распустили на принцессе шнуровку и помогли снять платье.

– Представляю, сколько уйдет на достойную обстановку! Да и удастся ли найти хороший дом?

Служанки сняли с принцессы нижние юбки и рубашку, она осторожно спустилась по шершавым подводным ступеням, сделала шаг и села на выступ, идущий вдоль борта бассейна. Вода, чуть теплее самой принцессы, прощекотала по коже до плеч. Принцесса, откинулась назад и вытянула ноги к центру. Что и сказать, это было восхитительно!

– Есть сейчас подходящие дома в столице? – продолжала мечтать герцогская сестрица.

– Признаюсь вам по секрету! – Иселла отпила из серебряного кубка, дав Вайонне навострить уши. – Ни разу не покупала дом в столице!

На краешек бассейна у головы принцессы служанки поставили тарелку с виноградом и кубок аппалийского. Принцесса сделала глоток и оглянулась. Купальня вместо стен имела только квадратные колонны, а бассейн находился на возвышении, что позволяло, лежа в нем, устремлять взгляд прямо в долину, до самых гор на противоположной стороне. Стало понятно, откуда мужественные герцоги наблюдали за славными битвами!

– А что, девочки! – вдруг сказала Иселла и взяла двумя пальцами виноградинку из своей тарелки. – Поймаете ртом?

Она запустила виноградинку через весь бассейн в левую княжну. Та, раскрыв розовую пасть, попыталась ее поймать, но промахнулась.

– А ты? – сказала Иселла и запустила виноградинку в правую.

Принцесса сама любила эту игру. Веселая! Только вместо обнаженных блондинок в бассейне и винограда у нее обычно были свора гончих у заднего крыльца и свиные потроха.

В купальню вошла Хемнель. Служанки начали ее раздевать.

– А еще?! – забавлялась Иселла. – Постарайтесь!

Несколько виноградинок уже качались на воде. Хемнель стала спускаться в бассейн. Когда ей оставалось спуститься всего на одну ступеньку, Вайонна вдруг сказала:

– Простите, леди Хемнель, бассейн маленький, боюсь не стеснимся ли мы здесь с вашим ростом?

Хемнель остановилась, прижимая одну руку к животу. На пальце светился красно-изумрудный перстень. Все смотрели на него, просто потому что больше на Хемнель ничего не было.

– Может быть, вы могли бы чуть позже? – приторно извиняясь, спросила Вайонна.

Хемнель молча повернулась и вышла. Служанки хотели подать ей платье, но она лишь выхватила у одной из них большую простыню и завернулась в нее.

– Благодарю вас! – Вайонна была сладка.

Почти с уровня пола принцесса наблюдала, как ступни Хемнель одна за другой легко скользнули в башмачки с пряжками, и мельхийка двинулась прочь. Принцесса переживала странное и сложное чувство. Случись такое еще вчера, она, наверное, ушла бы вместе с Хемнель, напоследок ненароком притопив Вайонну в бассейне. А сейчас она была почти рада остаться. Только радость была кислая и какая-то сожалеющая.

Иселла проводила Хемнель взглядом.

– Леди Вайонна, а теперь вы! – сказала она, поднимая виноградинку.

– Ну что вы…

– Один разок, но вы постарайтесь! – Иселла была весела и непреклонна.

Она дала Вайонне приготовиться, кинула виноградинку, но слишком слабо. Вайонна ринулась вперед и прямо с раззявленным ртом погрузилась всем лицом в воду. Борлонки хихикнули. Вайонна вынырнула, отплевываясь и вытирая воду с глаз. Служанка рванулась к ней с полотенцем.

– Ах как удачно получилось! – сказала Иселла, дала Вайонне проморгаться и закончила. – Что вы попросили леди Хемнель подождать. Правда?

Последнее Иселла сказала, переведя взгляд на принцессу. При этом Иселла улыбалась и три раза моргнула. Принцесса знала эту мимическую комбинацию – «безобидный лютик» – и сама исполняла ее лучше. Иселла забыла, что, делая наивные глаза, нельзя одновременно разглядывать собеседника – получается домашний гусь со взглядом охотничьего сокола.

– Теперь нам не узнать, поймала бы она виноградинку. – сказала принцесса.

– Хотите попробовать? – Иселла занесла руку.

Принцесса взяла виноградину, бултыхающуюся на воде, и зажала губами. Она была со вкусом воды – солоноватая.

– Шашибо! – сказала принцесса. – Уже!

Служанки помогали раздеваться подошедшей Катверии. Ее ноги были удивительно похожи на гнутые ножки сундуков в комнате, форма та же, размер побольше. Принцесса запрокинула голову и закрыла глаза. Вода постоянно протекала мимо нее, оглаживая теплыми солеными ладонями, превращая принцессу в простыню, которую полощут в летней реке.

Уровень воды в бассейне вдруг поднялся, для леди Катверии место нашлось. Принцесса лежала и думала: «Когда я стану королевой, то распоряжусь на вершине, скажем, Оружейной башни построить большой бассейн…»

– Каждые три дня надо осветлять, – щебетала княжна, передавая слово от одной головы к другой. – Отваром луковой шелухи и медом. Или можно ромашкой…

«…разжечь под ним печи, высыпать три мешка соли, – продолжали плескаться фантазии принцессы, – возвести каменные водоводы оттуда в ее банную комнату и тогда…»

– А иначе вот тут у самой головы видно темное. А у Хемнель не видно, потому что у нее волосы от природы светлые!

Принцесса поджала губы. «Тогда, скорее всего, люди, которых она заставит таскать наверх воду и дрова, свергнут ее и посадят на трон другую королеву.»

– Мы пойдем!

Принцесса открыла один глаз, проследила, как княжна Борлонская два раза вышла из воды, и оценила возможность различить их без одежды – без шансов!

– Тра-тта-та, – принцесса подумала, как бы под этот звук не уснуть и не захлебнуться.

Вдоволь накупавшись, принцесса вернулась в замок и уже почти зашла в свою комнату, когда дверь напротив приоткрылась.

– Лина, – сказала Хемнель, опираясь плечом на косяк. – Можно с тобой поговорить?

Принцесса была размякшая, приятные впечатления еще не высохли, выяснять отношения – что свои, что чужие – не хотелось совершенно.

– У меня от купания, – сказала принцесса, чувствуя себя немного фритонкой, – что-то голова разболелась. Может, завтра?

Хемнель кивнула, не поднимая полуприкрытых век. Принцесса закрыла за собой дверь.

Подводить итоги дня перед сном принцесса не стала. Казалось, что гигантский минус с вырезанной надписью «деревенщина» висит над ней, как стропильная балка. Маленькие принцессы внутри горестно вздохнули. Однако их хозяйка не любила дважды решать один и тот же вопрос. Она мысленно подпалила минус, раздула огонь, вышвырнула пригоршню оставшихся от него углей в окно и спокойно уснула.

Утро прошло в некоторой суматохе, публика собиралась на пикник – стрельба по мишеням, игра в кольца, дичь на вертеле и все прочее в таком духе. Несмотря на то, что начинался всего лишь ее четвертый день в Фореброле, принцесса уже немного утомилась увеселяться. Отдыха же от череды праздников не предвиделось. Хотят везти на пикник? Пусть везут. В коляске? Пусть в коляске.

Гости потихоньку стягивались на главный двор в последних приготовлениях к отъезду. Принцесса, которая уже влезла в коляску, сражалась с прической – Бриса так неудачно стянула волосы заколками, что лицо немного съезжало набок. В результате борьбы принцесса получила распущенные волосы и целую пригоршню заколок с эмалевыми цветами. Не ездить же с ними целый день! Принцесса оглянулась, но служанок во дворе не было, только кучера и конюхи. Принцесса решила отнести заколки в комнату сама – вряд ли это теперь повредит ее репутации. На крыльце она разминулась с Бурбосом.

– Ты Хемнель не видела? – спросил он, топорща ладонью белобрысый ершик на макушке и алея румянцем.

– Вроде бы нет, – принцесса задержалась, припоминая.

– Ладно, – сказал принц без королевства. – Если в лагерь пошла – подхватим по дороге. Все равно мимо поедем.

Принцесса дошла до комнаты, положила заколки на прикроватную тумбу и заторопилась обратно. Когда она поворачивала в центральный коридор, со стороны обходной лестницы донесся шорох. Или ей показалось? Может, Хемнель возвращается из лагеря? Если так, то можно сказать ей вредным голосом: «Поторопись, только тебя и ждут!» Принцесса подошла к лестнице и глянула вниз.

Сначала она увидела бледную босую ногу. В груди екнуло. Кто-то упал?! Губы похолодели. Чтобы поспешить вниз, балансируя на высоких ступенях, принцессе пришлось хвататься руками за стены. Постепенно выступая из-за поворота лестницы, нога перешла в лежащее вниз головой тело. Сердце стукнуло, и принцесса спешить перестала. Лежащая перед ней Хемнель была мертва. Живой человек не мог бы так заломить руки. Принцесса спустилась еще на пару ступенек, огибая тело. Светлые волосы Хемнель спутались, закрывая повернутое к стене лицо.

Это не укладывалось в голове. Буквально. Растерянность сталкивалась с испугом, в них упирался гнев, но больше всего хотелось убежать и притвориться, что принцесса ничего этого не видела. Стиснув губы, она подавила порыв, не дала себе струсить, а распрямилась и привалилась к стене.

Мысли дергались, ни одну не удавалось ухватить за хвост. Это было нелепо! Даже глупо! Умереть, разбившись на лестнице? И в то же время неудивительно – высокие, местами стертые ступени были весьма коварны. Гладкой кожаной подошве ничего не стоило соскользнуть, а ухватиться на этом спуске было не за что. Может, если бы принцесса не нашла эту лестницу, может, если бы Хемнель не пошла тогда за ней, может…

– Подожди! – сказала принцесса самой себе тихо, но твердо. – Уже никакого «если бы». На что ты смотришь?

Принцесса смотрела на гладкую кожаную подошву башмачка на согнутой ноге Хемнель, затем перевела взгляд вверх, на вторую ногу – выпрямленную и босую. Принцесса огляделась, оторвалась от стены и сделала пару шагов вниз – лестница была пуста до самой двери во двор, которая была закрыта.

Принцесса поднялась обратно, осмотрела тело, приподняла подол голубого платья, скомканного между животом и стеной. Синие глаза принцессы Хеменель были полуоткрыты – или полузакрыты? – совсем как в жизни, только уже без нее. Над ухом волосы были перемазаны чем-то темным, подбородок упирался в руку с зажатыми пальцами. Принцесса дотянулась до них, отогнула холодный указательный палец Хемнель и вытащила из ее кулачка перстень – золотой с двухцветным прямоугольным камнем. Он не был надет, она его сжимала. Она его несла. Принцесса не знала, зачем отметила это. Обычный порядок вещей смешался, было трудно понять, что сейчас важно, а что нет. Может быть, теперь уже ничего не важно.

Хуже всего то, что принцесса ничего больше не могла Хемнель сказать. Объяснить. Оправдаться. Бессилие надувалось бешенством. Принцесса все же заставила себя разомкнуть губы.

– Прости меня, – попросила она, протянула руку и закрыла синие глаза совсем.

Поднявшись по лестнице, принцесса еще разок осмотрела пол в коридоре. Второго башмачка Хемнель – что она так за него зацепилась?! – не было и тут. Нужно было что-то делать, снова начать двигаться. Принцесса, ускоряя шаг, прошла по центральному коридору и выбежала на крыльцо.

– Подождите! – крикнула она. – Вернитесь!

Все, кто был во дворе, обернулись, и уже в тишине принцесса добавила обычным голосом:

– У нас несчастье.

Разумеется, началась всеобщая суматоха. Принцесса отвела всех к обходной лестнице. Кто-то прошел вниз, кто-то опасливо заглядывал сверху. В состоянии потрясения каждый перешел на родной язык, но говорилось одно и то же:

– Синева небесная! Какой ужас! Как же так! Что же делать? – даже Катверию было понятно.

– Вайонна, позови кого-нибудь, – бормотал герцог. – Вайонна, позови кого-нибудь.

Вайонна пошла в обеденную залу позвонить в колокольчик. Бурбос, побледневший так, что пропал даже румянец, сидел на ступеньке рядом с Хемнель. Он оборачивался наверх, смотрел влажными глазами и спрашивал: «Что же это?» Близняшки утирали носы.

– Что, что! – почему-то разозлился принц Фот. – Упала она!

– Она не… – начала принцесса, но вдруг остановилась.

В голове соединились две неотчетливые мысли в одну неотчетливую, но пугающую конструкцию. Принцесса закрыла рот, губы онемели, прижатые к животу руки стали почему-то мерзнуть. Принцесса неловко посторонилась, пропуская большого человека в зеленом камзоле и коричневой рубашке. За ним следовало еще двое слуг.

– Вы ее… Ее надо… – нервно заговорил герцог. – Как там тебя?

– Биньоль, Ваша Милость, – ответил большой человек.

– Биньоль! Поднимите ее в комнату!

– Зачем в комнату? – раздраженно спросила сверху Вайонна.

– А куда же?

– На ледник!

Все замолчали. Вайонна была права. Мертвое тело надо держать на холоде. Комнаты для живых. Слуги подхватили Хемнель и, стараясь бережно, но оттого неловко, понесли ее вниз. Принцесса попятилась по коридору за угол, стараясь не начинать думать, пока не достигнет укромного места.

Оказавшись в своей комнате и заперев дверь, принцесса села на кровать, сосредоточенно составив ножки коленками вместе. Теперь можно. И что же это получается? Если принцесса права – а она несомненно права, потому что никто не ходит в одном башмачке – и Хемнель упала с лестницы не сама, значит, ее кто-то убил, так? Принцесса положила левую руку на коленку раскрытой ладонью вверх и посмотрела на двухцветный перстень. Этот кто-то, очевидно, хочет остаться неизвестным, раз никто до сих пор не сознался, так? Принцесса положила на коленку правую руку и уставилась на пустую ладонь. И если она начнет его разыскивать, а он об этом догадается, то тогда…

Принцесса сложила обе ладошки в кулачки и прижала их к груди. Губы сами собой сложились в большое «О», которое принцесса произносить не стала. Она посмотрела влево, потом вправо, перевела взгляд внутрь себя и медленно повалилась набок.

– Мне кажется, это не мое дело, – сказала принцесса, тщательно изучив резьбу на кроватном столбике.

Она закинула ноги на кровать и перевернулась на спину, все еще прижимая руки к груди.

– Я соберусь и поеду домой, – сказала принцесса, детально осмотрев всю внутреннюю поверхность балдахина.

Решено! Она не будет ни во что вмешиваться. Кто бы и что бы не имел против Хемнель – а принцесса искренне желает ему медленно утонуть в болоте! – это не ее дело. Она повернулась и улеглась на бок.

– Я еду домой! – сказала она чуть громче, пытаясь добавить в голос убежденности.

Через некоторое время принцесса обнаружила, что стоит на коленях и, оперевшись локтями на покрывало, мерно бьет головой в подушку, повторяя все ту же фразу по одному удару на слово:

– Я! Еду! Домой!

Подушка тягостно вздохнула – судя по вмятине в середине, принцесса повторила это упражнение раз восемь. Лоб гудел. Принцесса повернула голову, подогнула руки и улеглась щекой в выемку так, что над поверхностью подушки остался только один глаз. Этим единственным глазом она посмотрела в единственный же дырявый глаз лебедя на ковре. Лебедь сочувственно покивал, но слова его не убедили, как, надо было честно признать, и саму принцессу.

– И почему же? – спросил он, прищуриваясь. – Что именно мешает тебе поехать домой?

– Я никогда не узнаю, кто это сделал! – чуть слышно прошептала принцесса сплющенными губами.

– Не хитри! – протянул лебедь и укоризненно покачал пером.

– Так поступать с принцессами нехорошо, – шепнула принцесса, хлопнув глазом, отчего ресницы мазнули по наволочке.

– Не хитри! – посуровел лебедь и скрестил крылья на груди.

Принцесса не стала отвечать. Более того, проведя носом по шершавой наволочке, она перевернула голову на другую щеку. Теперь она смотрела на мир другим глазом сквозь упавшие на него волосы. Мир состоял из переплетенных тюльпанов. Тюльпаны, к счастью, ничего не говорили и вообще на принцессу не реагировали. Они просто цвели на гобелене рядом с кроватью.

Принцесса не собиралась с лебедем откровенничать, потому что причина, по которой принцесса не поедет домой, была довольно эгоистичной. Она не поговорила вчера с Хемнель и из-за этого чувствовала себя перед ней виноватой.

За чувство вины у принцессы отвечала поясница. Она непрестанно ныла, тянула, заставляла морщиться и не давала найти удобное положение. Поясница поступала так каждый раз, когда принцесса, например, врала наставнице, что не успела собрать гербарий, потому что была занята, а сама про него просто забыла. Принцесса ненавидела это ощущение и везти его домой не хотела. Нужно было оставить его здесь, а значит, нужно собраться с мыслями.

При первой же попытке стало ясно, что собираться с мыслями в позе холмика, высшей точкой которого является собственный зад принцессы, не очень удобно. Все же голова должна быть наверху, иначе к ней приливает столько крови, что мысли уже не влезают. Принцесса упала набок, а затем села, вытянув ноги.

– С чего начнем? – принцесса мысленно окинула взглядом цветник подозреваемых.

На вопрос: «мог ли такой-то столкнуть Хемнель с лестницы?», ответ был: «да», вне зависимости от того, кто имелся в виду. Принцесса вспомнила, как сама однажды завалила капрала городской стражи березовым поленом, просто потому что он до последнего не подозревал о нападении.

На вопрос: «хотел ли такой-то избавиться от Хемнель» – тоже, как ни удивительно, «да»! Во всяком случае, для каждого можно было бы придумать правдоподобную версию.

– Что мы имеем? – принцесса встала и принялась ходить по комнате, рассуждая вслух. – Часлер – за то, что отказалась изучить с ним кровать. Сестрица герцога Вайонна – чтобы освободить место в бассейне. Белобрысый Бурбос – за какие-нибудь привезенные с собой мель-

хийские обиды. Маиза и Альдана вместе – за то, что натуральная блондинка. Родственничек Фот – от общей нервности. Фритонское сокровище Иселла – ради забавы. Я – за «деревенщину»! Пуф!

Даже Катверия почему-то сердилась на Хемнель и тыкала ей пальцами в грудь. Принцесса остановилась. Может, с этого и начать? Это, по крайней мере, не догадки, а вполне конкретное происшествие. Тыкала ведь? Нужно просто пойти и спросить ее – почему… В дверь постучали, и служанка сообщила, что леди Вайонна нижайше просит гостей собраться в обеденной зале. Принцесса сказала, что сейчас подойдет, а сама разжала левый кулак и посмотрела на перстень Хемнель. Где же она его видела? То есть, где его теперь хранить?

Принцесса сняла с подсвечника цепочку с дешевым кулоном Часлера, пропустила ее через перстень Хемнель и застегнула на шее. Перстень она опустила под платье и нижнюю рубашку. Грудь у принцессы особой пышностью не отличалась, но она ведь и не рыцарский шлем собралась там прятать! Уж один перстень-то как-нибудь… Принцесса осмотрела себя сверху вниз, разгладила ладонями платье. Ну… Да. Как-нибудь…

В обеденной зале было невесело. Вайонна произнесла целую речь о том, какая ужасная и несчастная случайность произошла с «любезной» принцессой Хемнель, и о том, как важно, чтобы, несмотря на это, завтрашняя церемония прошла «достойно». Гости согласились с доводами. Бурбоса в зале не было, он ушел в мельхийский лагерь сообщить им о… Бедняга!

Принцесса постаралась не упустить из виду аппалийцев и после собрания проследовала за ними по коридорам. Они, очевидно, направлялись в купальню. По пути принцесса прикидывала, что получится, если Катверия и есть убийца? Даже если так – вряд ли она бросится на принцессу посреди бела дня с кинжалом, а по разговору можно будет что-нибудь понять. Посередине перехода над ручьем принцесса окликнула пару по-аппалийски:

– Леди Катверия, – они оглянулись. – Простите, могу я говорить с вами один к один?

Катверия что-то протатакала и Орджонно, улыбнувшись принцессе, пошел дальше.

– Я хочу спросить, – начала принцесса, опираясь на парапет и собирая все свои знания аппалийского в одну, увы, довольно скромную кучу. – Я случайно видела… Слушала, как вы говорили с Хемнель вчера утром.

– А! – протянула Катверия, припоминая.

Принцесса немного расслабилась. Это прозвучало так по-человечески, что показалось, будто Катверия сейчас и заговорит на каком-нибудь понятном языке. Но – нет!

– Тра-та-та… – принцесса прервала это, выставив вперед две прямые ладони.

– Пожалуйста, очень медленно! – очень медленно сказала принцесса.

Катверия кивнула.

– Она, служебный глагол прошедшего времени, неизвестный глагол, ее маленькие цветочки, впереди от, неизвестное слово, мой муж! – медленно сказала Катверия, точнее, это было то, что медленно разобрала принцесса.

Принцесса благодарно ей улыбнулась. Слова «она» и «мой муж» в одном предложении, в принципе, уже указывали на суть дела, но хотелось подробностей – при чем тут цветочки?

– Можно еще один раз? – попросила она, сложив ладони вместе.

Катверия не возражала, ей даже было приятно, что кто-то говорит с ней на ее языке. На этот раз она сопровождала каждое слово поясняющим жестом, и до принцессы наконец дошло: фразу «она распускала свои бутончики под носом моего мужа» нужно было переводить как «строила глазки»! Принцесса хотела попросить Катверию не употреблять больше идиоматических выражений, но – расколи ей черепок! – как сказать «идиоматический» по-аппалийски?

– Мне не нужна здесь любовница мужа! – объясняла Катверия, жестикулируя, и дело потихоньку налаживалось. – У него уже есть две любовницы дома, в Аппалии. Я сама их выбирала.

Принцесса предположила, что в переводе путаются какие-то детали, но общая картина была ясна. Кое-что, впрочем, ее зацепило.

– Вы не боитесь, что ваш муж вас… – подбирала слова принцесса. – Что Орджонно уйдет от вас?

– Уйдет? – удивилась Катверия. – Нет! Конечно нет!

Посмотрев на недоумевающую принцессу, Катверия сообразила, в чем путаница:

– Мой отец есть брат короля Аппалии, – сказала она, прикладывая пухлую руку к такой же груди. – Не его!

– А! – все встало на свои места. – Спасибо!

Внизу, по дороге от лагеря к малым воротам, двигалась маленькая фигурка Бурбоса. Они обе его заметили.

– Очень жалко бедную девочку, – сказала Катверия, глядя вниз между зубцами парапета.

– А откуда вы знаете, что Хемнель… – принцесса изобразила собой распускающийся бутончик. – Вы видели вашими глазами?

Катверия покачала головой, нахмурилась, пошарила взглядом по плитам перехода, приложила пальцы в перстнях к губам.

– А! – сказала она наконец. – Это мне рассказала Миосса! Нет… Альомна!

Принцесса была неприятно удивлена. Она поблагодарила Катверию и пошла в замок, размышляя на ходу. Еще раз – Катверия сердилась на Хемнель, потому что эта двойная Мальмоса что-то ей сообщила. Принцесса посмотрела на саму себя и почувствовала, как натягивается кожа на затылке. А она сама-то откуда знает про «деревенщину»? От принца Фота! А он? Хемнель могла обозвать ее, например, по-свойски обсуждая окружающих с Бурбосом. Но не с Фотом же!

Саму принцессу с детства учили, что ее мнение об окружающих людях вообще никому неинтересно. Симпатичен ей кто-то или, наоборот, вызывает отторжение, не имеет значения – ее дело дружелюбно-сдержанно улыбаться и всем одинаково утешать взор. И уж точно не позволять себе никаких комментариев в присутствии чужих ушей. Почему же Хемнель сочла это возможным?

Принцессу наполняло предчувствие такого горьковато-волокнистого вкуса, как если бы она целиком съела одуванчик. Что ж! Выяснить, почему Хемнель откровенничала с Фотом, можно только у самого Фота!

Принцесса нашла его на главном дворе, в прогулочной коляске, как будто он собирался на пикник, только в коляску не были запряжены лошади. Принцесса спустилась по ступеням крыльца и подошла поближе.

– Привет, – сказала она, встав у облучка. – Ты как?

– А-а! – протянул Фот один звук, похожий сразу и на «не спрашивай!», и на «сама не видишь?»

Он вытащил из корзины у ног какой-то стебель и принялся жевать. Корзина, видимо, осталась от несостоявшегося пикника.

– Я хотела спросить. Про Хемнель. Ты сказал, что…

– А что? Тебе все неймется? – перебил ее Фот.

– В каком смысле? – принцесса решила игнорировать его грубость.

– Хемнель умерла! Ты не заметила? К чему вопросы? – Фот отбросил огрызок стебля и выдернул из корзины следующий. – Хватит уже спрашивать. Поняла? От твоих вопросов никому уже легче не будет.

По-хорошему поговорить не вышло. Отчего он так бесится?

– Не стыдно тебе на Хемнель поклеп возводить? Не очень-то это по-мужски, – поворошила угли принцесса.

– Чего?!

– Она же не называла меня «деревенщиной». Тебя кто-то надоумил мне это сказать?

Угли дали жару, Фот внутри себя ринулся искать подходящий ответ.

– Ты думаешь, я дурак? – принцесса чуть не сказала «да», но сдержалась. – А я не дурак! Это ты дура. И деревенщина! И это всем понятно. И мне тоже. Самому. Никто меня не надоумыли… Надумли… Ясно тебе?

– А зачем тогда, – терпеливо вздохнула принцесса, – ты свои мудрые мысли на Хемнель свалил?

Что за манера у людей – когда не знают, что сказать, начинают двигать глазами по сторонам? Принцесса наблюдала за Фотом. Ищешь слова – опусти глазки в пол, что сложного-то?

– Затем! – нашел хороший ответ Фот и насупился, двигая на худой шее острым кадыком.

– Зачем?

– Затем!

Прекрасно! Проще от кошки добиться ответа, зачем она рыбу украла. У принцессы возникло одно подозрение, и она решила его проверить.

– Ладно, – сказала она печально. – Я только помочь хотела…

– Ты уже помогла один раз!

Так-так!

– Ты о чем?

Ответом принцессе было сопящее молчание. Ведь хочет сказать, но упирается!

– Не хочешь говорить, тогда уж я пойду, – принцесса повернулась, сделала один шаг, второй, третий…

– Ты моей матери жизнь сломала!

Наконец-то! Теперь все понятно! Вот откуда вся его злоба!

– Я?! – изумилась принцесса, оборачиваясь.

Изумление было совершенно искренним. Принцесса никому жизнь не ломала. Это его мать пыталась отравить его же отца и посадить на трон одного из баронов. Принцесса там практически просто мимо проезжала и раскрыла этот заговор совершенно случайно.

– Из-за тебя ее в глухомань сослали и взаперти держат!

Надо же, королева Гевра еще легко отделалась. Могла бы и головы лишиться.

– Из-за меня?!

– А из-за кого?! – Фот раскраснелся. – Если бы не ты, сами бы разобрались, все нормально было бы.

Ну да, нормальнее некуда. Мама отравила бы папу. Принцесса заставила себя засмеяться, почти захихикать.

– Что?! – крикнул Фот.

– Ничего, – принцесса пожала плечиком и снова засмеялась. – Смешной ты.

Принцесса знала, что подкрасться к лошади сзади и дернуть ее за хвост, значительно безопаснее, чем хихикать над мужчинами – просто получишь в ребра копытом и улетишь в стог, может, даже живой останешься. Однако она хотела вывести Фота из себя и, кажется, преуспела. Принц вскочил, коляска пошатнулась, ему пришлось хвататься за борта, принцесса снова прыснула. Он спрыгнул на землю, весь красный, как губы принцессы Иселлы.

– Правду о тебе говорят!

Принцесса прикрыла ладошкой нос и громко фыркнула, смеясь. «Давай уже, – думала она, – что там обо мне говорят? Обзови меня покрепче!»

– Ты человек не нашего круга! – выплюнул Фот и пошел к воротам замка.

Принцесса тут же хихикать перестала.

– Подожди, как ты сказал?

Фот не ответил, только махнул рукой. Принцесса повернулась и пошла в свою комнату. Если бы принц Фот ее проводил, то у своей двери принцесса призналась бы ему, что она не меньшая дура, чем он дурак. И так же смешна.

Она еще раз обдумала все очень тщательно и пришла к тем же выводам: ее провели, облапошили, обдурили. Она повелась на простейший трюк, как… Принцесса поискала слово поточнее и нашла – как деревенщина!

Принцесса села на кровать, уперлась кулаками в покрывало, опустила голову. Щеки зарделись, в макушке отдавался тяжелый пульс, ноздри с шипением пропускали воздух. Все, потому что она не была готова! Потому что очень хотела понравиться! Потому что так нельзя делать! Потому что они старше…

Принцесса знала этот голосок – самолюбие пыталось зализать рану. Принцесса прикрыла глаза. Да, признаем, повела себя как дура, да – это очень обидно. Все? Теперь можно сосредоточиться, чтобы хоть дальше вести себя, как умная? Самолюбие заткнулось.

Теперь надо все аккуратно разложить, как служанка Бриса раскладывает платья. Принцесса пошла на разведку, только чтобы притушить чувство вины. Однако теперь ситуация в корне меняется. Разведка показала, что принцесса ни в чем не виновата. Ее просто использовали в игре против Хемнель!

Что ж! Любой может обманывать и любого можно обмануть. Тем более такую, как она: отзывчивую, наивную, добрую…

– Соберись! – прошипела принцесса, внутри стало тихо.

Поясницу отпустило. Если принцесса ни в чем не виновата, можно утереться и ехать домой? Нет! Остаться, чтобы отомстить? Принцесса потерла переносицу. Это было бы неплохо, конечно, но мстить – это следовать за чьей-то инициативой, а снова таскаться за кем-то, как телега за лошадью, принцесса была не намерена.

Она припомнила наставления отца. Пожалуй, в имеющихся обстоятельствах ей нужно добиться того, чтобы никому больше в голову не пришло делать из нее дуру. Впереди нее должна бежать слава:

– А! Это та самая Маунтенар, деревенская убегалка, которую никогда ни под каким видом нельзя впутывать в свои делишки?

А вместе с ней и все ее королевство, которое она представляет, она же не просто юная леди! Именно так – всем должно быть ясно, что скакать на необъезженной лошади без седла значительно безопаснее, чем обводить принцессу Арранты вокруг пальца! Это было очень похоже на такую задачу, ради которой стоило задержаться. Принцесса чувствовала, как густеет кровь. Решено. Она подняла потемневшие глаза на лебедя.

– Теперь это личный вопрос! – сказала она. – Я от вас ничего не хотела! Теперь – хочу!

Лебедю здорово повезло – не будь у него на месте глаза дыры, она бы прожгла ее сейчас взглядом. В то же время принцесса странным образом чувствовала облегчение, как будто из жестких бальных туфель переобулась в любимые охотничьи сапоги. У нее появилась цель: Хемнель за себя постоять не сумела, и теперь ей, принцессе Эве Лине Маунтенар Декрой, придется похлопотать за обеих.

– Ничего, – принцесса потрогала через ткань перстень на груди. – Разберемся.

Почти весь остаток дня принцесса провела, лежа на спине прямо поверх покрывала. Лежала она неподвижно, но голова работала так, что накалилась подушка. Один человек обманул ее и стравил с Хемнель, а потом убил мельхийку, или разные? Одна ли у них была причина или две? Какие именно? Ее размышления прервали только один раз, когда служанки накрыли обед прямо в комнате. Никто не хотел сидеть за одним столом и смотреть друг на друга.

Ближе к вечеру принцесса знала форму всех прорех, дыр и потертостей в общем полотне событий почти так же хорошо, как узор из складок на внутренней поверхности балдахина над кроватью. Для заштопывания этих дыр не хватало кое-какой информации, зато принцесса

составила девять с половиной планов того, как ее добыть. Наиболее перспективный: пригнать в замок собственную стражу, выстроить всех этих королевских отпрысков вдоль стены в обеденной зале и бить подсвечником в живот до тех пор, пока не сознаются. Принцесса полюбовалась этой картиной. Недочетов было всего два. Во-первых, папа не похвалит. А во-вторых, при таком подходе сознаются все! Чтобы все кончилось хорошо – то есть чтобы никто не ушел безнаказанным – нужно было действовать деликатнее.

Принцесса села и постучала себя основанием ладони по лбу. Еще немного и она начнет скрести в затылке, как солдат Гонза! Надо выйти, проветриться.

– Ты видишь, папа?! – она подняла глаза, словно король Арранты сидел на потолке, а не в столице королевства, Аррантоне. – Никаких импульсивных поступков! Сплошная рассудительность! А толку?

Принцесса медленно прошла по коридорам, постояла у проема обходной лестницы, потрогала пальцем гравированные доспехи, подумала, что хочет пить. Она зашла в обеденную залу.

Большой человек Биньоль аккуратно выставлял стулья вдоль стола по одной линии. Увидев принцессу, он сразу выпрямился и застыл. Принцесса сделала к нему шаг, чтобы попросить пива, но почувствовала прикосновение, будто кто-то легонько дернул ее за левый локоть. Она взялась за него правой рукой и невольно подняла глаза на портреты герцогских родственников. В зале вдруг стало светлее на два десятка свечей.

Принцесса подошла поближе, задирая голову вверх. С выцветшего гобелена ей улыбалась импозантная дама, на ее плечах и груди лежало ожерелье – ряд скрепленных между собой золотых овалов, в каждом из которых был вышит прямоугольный камень, разделенный по диагонали на красную и зеленую части. Если мысленно добавить к нему перстень, который висит у самой принцессы на груди, то вместе получится то, что мастера-ювелиры называют «комплект».

– Биньоль, – окликнула принцесса. – Вы не знаете, кто это?

Биньоль проследил взгляд принцессы.

– Нет, Ваше Высочество. Простите.

– А кто-нибудь из работников может знать?

Биньоль отошел к лестнице в дальней части залы и крикнул вниз:

– Жайла!

На крик поднялась, вытирая руки фартуком, пожилая сухая женщина с острым носом. Биньоль что-то сказал ей на незнакомом языке.

– Простите, Ваше Высочество, – повернулся он к принцессе. – Жайла по-фритонски не говорит. Только на местном нашем.

Жайла что-то сказала.

– Она говорит, это леди Маледанда.

– Маледанда, – повторила принцесса, чтобы запомнить. – А как давно она… жила?

Жайла выслушала вопрос и пожала плечами.

– Она не знает, – любезно перевел ее жест Биньоль.

– Жаль.

Жайла вдруг заговорила, что-то объясняя Биньолю и рисуя руками лестницу вверх.

– Она говорит, это… как сказать? Предыдущая бабушка.

– Прабабушка? – оживилась принцесса.

Жайла помотала головой, стала задумчиво разгибать пальцы и, наконец, показала принцессе полностью раскрытую ладонь.

– Пять поколений! – догадалась принцесса.

– Да, – подтвердил Биньоль. – От его милости Часлера.

– Герцогиша Актуан, – вдруг тщательно сказала Жайла.

– Что? – брови у принцессы поднялись.

– Герцогиня Актуанская, – пояснил Биньоль, что-то уточнив у Жайлы.

– Герцогиша, – уверенно покивала Жайла и показала два пальца.

– Герцогиша Маледанда вторая? – догадалась принцесса, и Жайла снова закивала. – Спасибо огромное!

Она подошла к слугам и остановилась в задумчивости. Откуда у Хемнель мог взяться перстень из числа фамильных украшений герцога? Откуда, откуда – из недоеденного блюда! Откуда еще?! Хотелось бы теперь задать пару вопросов этому фамильному герцогу, однако Часлер совсем не принц Фот, над ним не похихикаешь. Принцесса вспомнила, как вжимались в нее колобашки герцогских завязок. «Для большого камина нужна длинная кочерга!» – думала принцесса, рассеянно разглядывая большой зеленый камзол Биньоля. Она даже непроизвольно сняла какую-то пылинку с его плеча, и тут ее озарило.

– Нет ли у вас пера и бумаги? – спросила она, додумывая детали нового плана.

– Внизу только, Ваше Высочество. Я сейчас принесу… – Биньоль начал поворачиваться, но принцесса не могла ждать.

– Да я и сама спущусь! – сказала она и первой прошла несколько ступенек вниз, но пришлось обернуться, потому что за ней никто не последовал.

Биньоль и Жайла смотрели на нее с таким выражением, будто она у них на глазах сама полезла в горящую печь.

– Что-то не так? – искренне забеспокоилась принцесса.

– Нет, нет! – воскликнул Биньоль. – Если вам угодно!

Появление принцессы на кухне вызвало легкий переполох, хотя она не могла сообразить из-за чего. Она на кухнях не бывала, что ли? Да тысячу раз! Она на собственной кухне практически выросла!

Принцессу усадили на самую чистую скамью, обеспечили пером и бумагой, а заодно и кружкой превосходного эля. Пытались предложить еще и целый ужин, но она увернулась. Некоторое время принцесса сосредоточенно писала по-аррантийски. Затем подула на лист, помахала им в воздухе и согнула пополам.

– Могу я попросить вас, – посмотрела она в глаза Биньолю, – отнести это письмо в мой лагерь у реки?

Биньоль кивнул.

– Отдайте это начальнику стражи, капралу Кламму, – принцесса наклонилась к Биньолю, положила ладонь на его большую руку и посмотрела в глаза. – И я очень прошу вас, выполнить все, что он скажет. Это поможет разобраться с тем, что случилось сегодня в замке. Хорошо?

Биньоль смотрел на нее глазами, в которых отражался огонь факела, потом опустил взгляд на ее руку и поднял взгляд снова.

– Я сделаю все, Ваше Высочество!

Солнце спустилось, и дальние горы через всю долину протянули к замку синие тени. Сразу стало холодно и неуютно. В купальне никого не было, факелы не горели, только за стенками в каменных каналах неустанно журчала вода, а из бассейна поднимался пар. Принцесса чувствовала себя героиней старой баллады, втайне от отца ожидающей в ночи возлюбленного!

Увы, явиться должен был не возлюбленный, а герцог Часлер, которому она отправила со слугой записку вполне балладного содержания: «Ваша Милость! Я прошу у вас прощения! Умоляю о помощи! Готова на все! Жду в купальне сейчас. Леди Лина М.»

Однако со времен баллад мужчины, очевидно, поистрепались и к принцессам на выручку не торопились. Она ждала так долго, что уже три раза успела запретить себе идти Часлеру навстречу. Может, он, колобашка парчовая, вообще не придет? Принцесса хлопнула себя по лбу – удивительно, но и здесь, на высоте, ее нашли какие-то мошки, оживившиеся с уходом жары. Она решила, что запретит себе идти еще один разок, а на пятый сдастся и реализует

запасной план, которого, правда, пока не было. Ясно было, однако, что когда она его придумает, то Часлеру, этому жениху с головоломками, мало не покажется.

Герцог появился на другом конце перехода, когда до пятого раза оставалось буквально одно или два ругательства. Принцесса выдохнула, сложила руки на животе, сосредоточилась и, подождав, пока герцог с объемистой фигурой в зеленом камзоле за плечом пройдет большую часть перехода, вышла из тени купальни.

– Прощения просите, милая?! – Часлер хотел прозвучать снисходительно, но вышло просто противно.

– Именно, – сказала принцесса так холодно и жестко, что герцог остановился.

– Вы молили о помощи… – не очень уверенно сказал он.

– Я и сейчас о ней прошу, – принцесса слегка согрела голос и хлопнула себя по шее в тщетной борьбе с мошками. – Мне нужно задать вам несколько вопросов и получить на них честный ответ. Понимаете?

– Что это вдруг?

Не понимает.

– Скажите мне, герцог, вы показывали ее высочеству Хемнель Мельхийской механическую тумбу в ваших покоях?

Герцог оскалился.

– Что это еще за вопрос?

– И когда она посмотрела вниз, пытались ли вы ее придержать за грудь?

Герцог облизал губы в густеющих сумерках, заложил большие пальцы рук за пояс и лениво сделал пару шагов к принцессе.

– Значит, так, Ваше Высочество, – сказал он без тени вежливости, – мне как бы очень жаль, что Хемнель умерла, но то, что происходит в моих покоях, не твое дело.

– Оно стало моим, – принцесса дунула себе в нос, чтобы отогнать мошку, – с того момента, как ее убили.

– Убили? – Часлер тоже дунул себе в нос. – Что за бред?

– Помогите мне, герцог. Я очень вас прошу! – принцесса старалась звучать уважительно. – Вы же внимательно читали мою записку? Я написала, что готова на все!

Часлер вдруг хохотнул.

– Ишь, как заговорила! – сказал он и вдруг надвинулся на нее, схватил правой рукой за шею и припечатал спиной к высокому зубцу парапета. – Мне плевать, на что ты там готова. Поздновато!

То, что она потеряет возможность говорить, в планы принцессы не входило. Она вцепилась двумя руками ему в запястье и попыталась оттянуть его от горла.

– Может, коленом? – спросили ноги.

– Лучше тебе угомониться и засунуть язык поглубже, – герцог притиснул ее к стене сильнее. – Иначе в замке может произойти еще один несчастный случай! Ясно?

Принцесса подвигала головой сверху-вниз, насколько позволяла его хватка, постучав подбородком по его руке. Герцог отпустил шею, но продолжал нависать над ней темным силуэтом. Принцесса кашлянула.

– Так-то лучше, – сказал Часлер и оперся ладонью о стену рядом со щекой принцессы. – Ты мне еще за подсвечник должна. Чуть печень не выбила!

– Я ниже целилась, – принцесса раздраженно потерла шею.

– Что? – хрюкнул герцог. – Думаешь, ты самая остроумная?

– Думаю, что ты не знаешь, как зовут твоих слуг.

– Что?

– Можно! – сказала принцесса громко.

До Часлера начало доходить, он даже начал поворачивать голову, но было поздно. Его лицо вдруг резко отодвинулось в сумеречную синеву, весь он стал подниматься, а у самого носа принцессы промелькнули его сапоги. В следующее мгновение большой человек в зеленом камзоле столкнул герцога со своих плеч и уронил его за парапет.

– Спасибо, Гонза, – сказала принцесса и легла животом на парапет между соседними зубцами, чтобы посмотреть вниз: герцог улетел не очень далеко, Гонза держал его за пояс и воротник на вытянутых вниз руках. – Это даже лучше того, о чем я просила. Ты его не уронишь?

– Не, – сказал Гонза. – Ежели у них пояс не треснет.

Часлер висел лицом вниз, слабо болтал ногами, скреб по стене одной рукой и, кажется, постанывал.

– Ваша Милость, – сказала принцесса вниз, – ты бы ногами не дергал. Мы же не хотим, чтобы ты упал и ушибся.

Часлер затих. Внизу шелестел ручей. Если пояс порвется, принцесса успеет досчитать, пожалуй, до четырех, прежде чем герцог ушибется о камни.

– Ваше Высочество, – вдруг сказал Гонза, – шапочку, того, простите, не поправите?

Треугольная коричневая шапочка в пылу борьбы съехала Гонзе почти на глаза. Принцесса сдвинула ее назад и поплотнее прижала к голове.

– Ты, наверное, не так меня понял, – сказала принцесса, снова перегибаясь вниз. – «Готова на все» означало на вот это, а не на то, что ты подумал. Теперь понятнее?

– А-а! – сказал Часлер и колыхнулся.

– Это ты убил Хемнель?

– Е-е! – сказал Часлер и снова колыхнулся.

– Зачем ты его дергаешь? – спросила принцесса у Гонзы.

– Так это, мошка липнет, – Гонза попытался достать плечом ухо, и герцог внизу колыхнулся.

– Мне нужно знать, что ты сделал с Хемнель, понимаешь?

– А-а!

– Хорошо. Если мы тебя достанем, ты…

– Ваше Высочество! – умоляющим голосом вдруг сказал Гонза. – Шапочка, того, опять…

Принцесса сорвала треуголку с Гонзы и кинула ее на плиты перехода.

– Если мы тебя достанем, ты будешь помогать? – продолжила принцесса.

– А! А! А!

– Ты ему веришь? – спросила принцесса у Гонзы.

– Не. Но ежели чего, еще раз можно.

– Ладно, – вздохнула принцесса. – Поднимай.

Гонза натужился, потащил Часлера вверх, переволок его через парапет и сгрузил на плиты. Даже в сумерках было видно, что герцог сильно побледнел. Он лежал на спине и часто дышал. Принцесса присела рядом, мягко похлопала его по груди.

– Все будет хорошо, – приободрила она искренне. – Вы показывали леди Хемнель тумбу?

– Да, – выдохнул герцог.

– А потом? – принцесса помедлила, раздумывая, как бы это сформулировать. – Кровать вы ей тоже показывали?

– Да.

– Гнется?

– Кто?

– Кровать, – принцесса понимала, что отклонилась от генеральной линии допроса, но не могла удержаться. – Как-нибудь раздвигается, переворачивается?

Герцог приподнял голову и дернул подбородком в попытке кивнуть.

– Ага! – принцесса удовлетворенно почесала запястье. – А потом вы столкнули Хемнель с лестницы, чтобы Иселла не узнала?

Все еще лежа на спине, герцог вдруг пополз, толкаясь локтями и ногами.

– Нет! Нет! – он уперся головой в парапет, но продолжал толкаться, отчего через некоторое время оказался сидящим. – Я правду говорю!

– Это очень хорошо! – серьезно одобрила принцесса. – Но нет ли каких-нибудь доказательств, что это правда?

– Не знаю, – Часлер посмотрел на Гонзу. – Каких доказательств? Я не вру! Слово даю!

Принцесса переместилась и села рядом с герцогом, спиной к парапету. Гонза, стоя перед ними, отгонял в темноте мошку, отдаленно напоминая силуэтом ветряную мельницу.

– На доказательство ваше слово, увы, не потянет. Давайте вместе попробуем, – дружелюбно предложила принцесса. – Хемнель погибла ночью. Где вы были ночью? Может, с вами кто-то был? А?

– Да! Был! – Часлер чуть не подскочил. – То есть была! Мионза! Или, может, Альмана… Одна из этих…

– Понятно, – принцесса подумала, не скинуть ли его все же вниз. – И вы даже не знаете, как ее зовут!

– Так ведь это! – он посмотрел на нее очень честными глазами и даже прижал руку к груди. – Зачем? Они же одинаковые!

Логика у Часлера была извращенная, но все же, надо признать, была. У одной из борлонских барышень, правда, под ухом была родинка, но это не очень помогало, потому что принцесса не могла – шлак и пепел! – вспомнить, у какой именно. Принцесса решила сойти с этой зыбкой темы. В конце концов, у нее задача получить информацию, а не перевоспитать герцога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.